Негатив. Том 1

Автор:
Павел Корнев

Негатив. Том 1

Павел Николаевич Корнев

Резонанс #3

Восемнадцать лет – прекрасный возраст для обучения чему-то новому: оперированию сверхэнергией, патрулированию улиц или штурму опиумных курилен – не важно. Вот только любые курсы рано или поздно заканчиваются и приходит пора экзаменов и зачётов. Тогда-то и становится ясно, чего ты достиг и чего достигнуть сможешь.

Оплошаешь, провалишься – и потолком развития сверхспособностей станет пик румба. Покажешь себя – получишь возможность не просто продвинуться к вершине витка, но и вставить ботинок в едва приоткрытую дверь к истинному могуществу. И будет только одна попытка, второго шанса никто не даст, ведь дело полным ходом движется к большой войне. На шахматной доске расставляются последние фигуры, и правила этой партии не предусматривают проходных пешек. Пешек выбьют первыми.

Павел Корнев

Негатив. Том 1

Часть первая: Рекуперация

Глава 1

Зима – это холод, метели, короткие дни и длинные ночи.

Зима вблизи Эпицентра – разная.

Нет, дни тут не длинней положенного этому времени года, в остальном же всё упирается в удалённость от источника сверхэнергии. В пределах двадцать пятого километра продолжало царить знойное лето, Кордон застрял в тёплом и дождливом сентябре, а вот в Новинске время от времени даже шёл снег.

Впрочем, о погоде в городе я знал исключительно из писем Нины – сам туда с августа не выбрался ни разу. Сначала в силу известных событий просто не до того было, а потом закрутили служба и учёба, вкалывал без продыху и увольнений. То операторов на подстройку сопровождали, то трассу патрулировали, а декабрь и вовсе промелькнул, будто один нескончаемый день, – в декабре начали прибывать на инициацию соискатели зимнего набора.

Тут уж все на ушах стояли; довелось не только автоколонны сопровождать, но и роль санитара на себя примерить, благодарить за что, разумеется, стоило доцента Звонаря. Впрочем, мой случай таким уж вопиющим исключением из правил отнюдь не являлся: на основании нормального закона распределения вероятностей и опыта прежних лет в состав медбратьев включали даже операторов седьмого и восьмого витков. Не больше одного – двух, но всё же включали. Кадровый голод, ага.

А так – работа как работа. Если разобраться, куда менее нервная, нежели контроль первой подстройки на Эпицентр. Соискатели в основе своей плохо переносили избыток сверхэнергии, и за исключением каких-то совсем уж вопиющих происшествий срывы инициаций вредили исключительно им самим, окружающие обычно отделывались лёгким испугом.

Но что было, то прошло. Зимний набор обрабатывали вплоть до тридцатого числа, а сегодня – тридцать первое. Тридцать первое декабря, последний день года. И не только года…

Сегодня занятий в учебной части не было, и сразу после утренней зарядки и завтрака я отправился в расположение мотоциклетного взвода. Переоделся, натянув кожаные штаны, сапоги и плащ, поднялся в дежурку.

Толком ещё не рассвело, да и небо затянули низкие свинцово-серые облака, лампочка под потолком едва-едва разгоняла сгустившийся в комнате полумрак, но это обстоятельство никоим образом не мешало севшим расписать с утра пораньше пульку картёжникам. Впрочем, моё появление всё же заставило их отвлечься от игры; Данила Сигизмундович глубоко затянулся и вдавил окурок папиросы в пепельницу, выдул струю дыма и усмехнулся.

– Ну что, Петя, последний выезд?

«Крайний», – привычно подумалось мне, но поправлять прапорщика не стал и кивнул.

– Так точно.

Захар Козодой – крупный и мясистый сержант, руководивший третьим отделением мотоциклетного взвода, порылся в бумагах и протянул путевой лист.

– Сегодня вы на сопровождении автоколонны в Новинск, – пояснил он на словах. – На обратном пути маршрут свободный. Короче, крутанитесь там по округе.

– Сделаем, – коротко сказал я, сунул сложенный надвое листок в нагрудный карман гимнастёрки и кинул взгляд на настенные часы. – Пойду.

– Ни пуха! – махнул мне на прощание Иван Черепица, которому не терпелось вернуться к прерванной игре.

– К чёрту!

Спустившись на первый этаж, я заглянул в оружейку, где получил ППС и подсумок с тремя снаряжёнными магазинами, затем вышел на улицу под едва сыпавший с неба меленький-меленький дождь. Постоял немного, затем надел

танковый шлем, натянул мотоциклетные очки, зарядил оружие.

Сыро, тепло, грязно.

Привычно сыро, привычно тепло, привычно грязно.

Декабрь.

Я вздохнул и двинулся к мотоциклу. Под навесами места хватало не всем, мой железный конь стоял укрытый брезентом. Последнюю неделю начало барахлить пусковое устройство, и движок завёлся лишь с пятого толчка педали. Я в который уже раз помянул недобрым словом техников – те кормили завтраками и разбираться в причинах неисправности не спешили, откровенно тянули время, прекрасно зная о моём скором отъезде.

Жуки какие…

На выезде с территории авточасти отсалютовал курившему под козырьком караулки ефрейтору и, разбрызгивая колёсами воду из луж, подкатил к дежурке пулемётчиков. Фома Коромысло, нахохлившийся и недовольный, уже дожидался меня на крыльце. Подошёл, забрался в коляску, закрепил на вертлюге сошки пулемёта.

– Лучше б к Эпицентру отправили, – проворчал он, подняв воротник кожаной куртки.

– Лучше б, – согласился я, трогаясь с места.

Действительно – лучше. Там и сейчас тепло, а солнце взойдёт, ещё и дорога самую малость подсохнет. А к Новинску – наоборот: чем дальше, тем холоднее. Ещё и грязные, будто свиньи, вернёмся. Хотя в грязи по уши прикатим в любом случае, без этого никак…

Тимур сегодня загодя вышел на улицу покурить, и Фоме не пришлось дуть в свой монструозный свисток, он только махнул рукой.

– Шевелись давай!

Стрелок без всякой спешки приблизился и закрепил винтовку, затем потёр бедро.

– Кости крутит, – пожаловался он младшему сержанту, забираясь на заднее сиденье. – Мне холод противопоказан!

– Пули тебе противопоказаны, – огрызнулся Фома. – Пока пулю не словил, ничего не болело и не крутило!

– Может, старею?

Пулемётчик насмешливо фыркнул и скомандовал:

– Погнали, Петя!

Я прибавил газу, и мы покатили по дороге от одной лужи к другой. Доехали до неприглядно-серого здания госпиталя и повернули налево, к выезду на Новинск. У блокпоста там уже стояли пяток автобусов, два броневика и грузовик со спаренными крупнокалиберными пулемётами в кузове; бойцы зенитного расчёта в своих отсыревших шинелях смотрелись натуральными мокрыми курицами.

– Опоздали, что ли? – забеспокоился Фома, выбрался из люльки и побежал в караулку, но мог бы и не суетиться.

Случилась какая-то накладка, и мы ещё четверть часа дожидались двух автобусов и отделение пехотинцев. Ну а дальше выдвинулись в головной дозор: Фома поглядывал в одну сторону, Тимур в другую, я следил за дорогой. И следил куда пристальней, нежели ещё пару месяцев назад.

В ноябре на трассе обезвредили несколько взрывных устройств, а две недели назад на фугасе подорвался мотоцикл; тогда никто не погиб лишь чудом. Нас и самих как-то обстреляли при патрулировании окрестностей Эпицентра; так и не удалось понять, кто саданул из кустов дробью, поскольку нарушители ушли в тайгу задолго до прибытия егерей. Помимо этого, случилось ещё несколько серьёзных инцидентов, и обстановка была… нервозной.

Не могу сказать, будто радовался возвращению в учебное отделение комендатуры, но и по нынешнему месту службы тосковать не собирался. Вроде – рутина, но постоянное напряжение сказывалось на психике не лучшим образом. И сам устал, и все кругом нервными сделались до крайности. Раньше хоть как-то удавалось дух перевести, а декабрь закрутил-завертел так, что и не продохнуть.

Но – не важно, уже не важно. Сейчас я управлял мотоциклом, время от времени протирал очки и следил за дорогой. В степь не съезжали: там по зиме мог увязнуть и танк. Слева – пологие холмы, справа – опушка хмурого леса. Обзор аховый, ещё и пасмурно, никак толком не рассветёт.

Впрочем, сверхспособностям хмарь помешать не могла, и время от времени я открывался энергетическому фону, пытался уловить близкое присутствие операторов. Неизменно будто оплеуху получал, морщился и кривился, но своих попыток выявить возможную засаду не прекращал. Кто предупреждён, тот вооружён; всё так.

Откуда неприятные ощущения взялись? Пара причин для головной боли катила рядом, ещё под сотню поотстали в автоколонне. Мой нынешний потенциал – четыреста килоджоулей в противофазе, ещё б присутствие обычных операторов из колеи не выбивало! Нет, конечно, мог и нормальной энергией оперировать, а не остатки от входа в резонанс удерживать, только в этом случае чувствительность сокращалась на порядок. Вот и приходилось терпеть.

Понемногу дождь сменился серой моросью, заметно похолодало, встречный ветер стал пронзительно-стылым, даже захотелось прикрыть чем-нибудь лицо. На дороге начал появляться ледок, в одной подмёрзшей луже едва не засели намертво, а не такой уж и крутой подъём заставил мотоцикл пойти юзом, едва-едва заползли на холм.

– Твою мать! – выругался там Фома, ухватил бинокль и поднёс его к лицу. – Стой!

Да я и сам увидел перегородившие дорогу метрах в ста от пригорка грузовики. Те стояли впритирку, рядом суетились три мужика. Точнее, не суетились, а размахивали руками и орали друг на друга так, что отдельные отголоски ругани доносились даже до нас.

– Дерьмо! – выругался и Тимур, выдернул из креплений винтовку и приложился к ней, разглядывая транспорт в оптический прицел.

Судя по всему, при обгоне один из грузовых автомобилей занесло, и полуторки сцепились бортами, полностью перегородив проезд. А ещё их попыталась объехать по обочине телега, но колёса увязли в грязи. С противоположной стороны – глубокий кювет. Приплыли.

– Нашим сообщи! – приказал снайперу Фома Коромысло, опустив бинокль. – Пусть сбросят скорость. Петя, ходу!

Я сглотнул и добавил газу; мотоцикл будто нехотя тронулся с места и покатил под горку. Но – нет, не хотелось ехать отнюдь не ему, а мне.

Ну в самом деле – поди пойми, случайно авария стряслась или это нас диверсанты поджидают? Тут волей-неволей поджилки трястись начнут.

– Вплотную не приближайся, – предупредил меня младший сержант. – Остановись метрах в тридцати. И от кустов подальше. Да, нормально. Иди!

Идти? Я обречённо вздохнул, вооружился пистолетом-пулемётом, дёрнул рукоятку затвора, и не могу сказать, будто сочный металлический лязг прибавил хотя бы малую толику уверенности. За последние месяцы мне не раз и не два доводилось участвовать в проверках документов на пару с Фомой и даже самостоятельно, но там ситуации были не чета этой.

Сапоги влажно чавкали в грязи, я с натугой выдирал их и пытался уловить присутствие операторов, но только заработал головную боль. У грузовиков ругались обычные люди, и, к слову, махали руками лишь двое из них – третий, пребывавший в меньшинстве, готовился подкрепить свою позицию заводной рукояткой двигателя. В кузовах и придорожных кустах операторы тоже не прятались, но на сверхэнергии свет клином не сошёлся, пулю словить – тоже хорошего мало.

На моё приближение сыпавшая матом троица не обратила никакого внимания: мужики продолжили драть глотки, кроя друг друга почём зря. Я заранее взял правее и для начала убедился, что никто не скрывается за ставшим чуть наискось грузовиком, затем дёрнул стволом пистолета-пулемёта, и тянувший

лошадь за уздцы возница оставил животину в покое, попятился с обочины на дорогу.

Я последовал за ним и скомандовал:

– Руки!

Мужики мигом перестали горланить и уставились на меня с нескрываемым изумлением. Пришлось повторить:

– Руки, сказал! Стойте так, чтобы я их видел!

Шофёр с заводной рукоятью сплюнул и в запале спросил:

– А то шо?

– Пулю схлопочешь! – пообещал я в надежде, что заявление прозвучит решительно и твёрдо.

Не могу сказать, будто угроза напугала – шофера народ бывалый, – но своё действие всё же возымела, и мужик отложил железяку на капот грузовика.

– Ты оружием-то не тычь! – угрюмо произнёс он. – Пальнёшь ненароком…

– Я сейчас специально пальну! Вы что устроили, паразиты? Да за создание помех проезду спецтранспорта с вас шкуру спустят! Это ж натуральная диверсия!

Шофёры начали что-то доказывать, но выслушивать их не было ни времени, ни желания, и я скомандовал:

– От машин отошли! – После заглянул сначала в одну кабину, затем в другую и потребовал: – Документы и пропуска! Подходи по одному!

ППС я оставил болтаться на ремне и вытянул из кобуры ТТ. Оператор я или нет – так сразу никто из этих гавриков не поймёт, а человек с пистолетом – это человек с пистолетом. С таким шутки плохи. Начнёшь дурить – пальнёт. И

пальну, да.

Разрешения на проезд по закрытой территории у всех оказались в полном порядке, кругом было тихо, а время поджимало, и я рискнул помаячить Фоме. Тот подъехал на мотоцикле, мельком глянул предъявленные шофёрами удостоверения и путевые листы, затем куда более придирчиво изучил бумаги возницы. Не преминул проверить и содержимое телеги. После откинул задний борт сначала одного грузовика, следом другого и потребовал объяснений у виновников затора.

– Я на обгон пошёл, а этот дурилка руль вывернул! – заявил тот, что до моего появления размахивал заводной ручкой.

– Врёшь! – завопил один из его оппонентов, бородатый и кудлатый. – Я тебя пропустил, а ты меня на обочину выдавливать начал! Миша, докажи!

– Хватит! – рявкнул Фома Коромысло, а когда все заткнулись, спросил: – Чего дорогу перегородили? Почему не разъехались?

– Так сцепились, – развёл руками бородач.

Младший сержант протянул руку и снял висевший на моём плече ППС, затем попросил:

– Петя, глянь!

Я уже без особой опаски навалился на капот одного из автомобилей и обнаружил, что при столкновении его бампер надорвал крыло второго автомобиля. То загнулось, и острым краем распороло боковину шины, но окончательно не отлетело. Работы тут было на десять минут, но это если совместно проблему решать, а не орать, что сейчас этому косорукому уроду голову проломишь.

– Ну как? – нетерпеливо спросил Фома Коромысло.

– Ерунда.

– Сам справишься?

– Легко!

Шофёры хором запротестовали, но стоило только Фоме пообещать уложить их мордами в грязь, мигом заткнулись. Я времени попусту терять не стал, вжался в зазор меж кабин и вытянул руку.

Плазма – это просто. На самом деле – нет, конечно же, но после двух месяцев упорных тренировок мне и в самом деле ничего не стоило сотворить плазменный резак.

Сгенерировать напряжение. Ионизировать и нагреть. Создать избыточное давление.

По отдельности ничего из этого сложностей вызвать не могло, да и скомпоновать сразу несколько процессов в единое целое тоже проблемы не составляло. Чай, не первый раз – сколько на полигоне камней изрезал, и не сосчитать.

Меж пальцев заискрила дежурная дуга, а стоило только начать нагнетать давление, и сразу вспыхнуло ярко-красное жало ионизированной воздушной струи. Приблизил руку к загнутому крылу, и полетели искры. Раз! – и, чавкнув, упал в грязь и легонько зашипел кусок аккуратно отрезанного металла.

Дистанционно провернуть такой трюк, пожалуй бы, не вышло, но вот так, практически на ощупь, любому слесарю фору дам.

– Готово! – объявил я, забрал у Фомы оружие и отошёл к мотоциклу.

– Быстро к обочине прижались! – тут же скомандовал младший сержант. – Ты первый! Давай шевелись! – поторопил он виновника аварии, потом прикрикнул и на второго: – Эй, борода! Не спи, заводи мотор!

Мужики принялись крутить ручки стартеров, а когда первый забрался в кабину и тронулся с места, Фома мигом вскочил на подножку и указал, куда именно следует отогнать автомобиль, чтобы освободить дорогу и оставить место для

манёвра второй полуторке. Бородача он тоже проконтролировать не преминул, после выстроил водителей на обочине и предупредил:

– Руки на виду держите! Сейчас колонна пройдёт, и катитесь, куда хотите. Только телегу выдерните сначала!

Со стороны Новинска показались два грузовика и броневик, младший сержант выругался и подбежал к мотоциклу.

– Контролируй их, – приказал Фома, а сам с красным флажком бросился наперехват встречного транспорта.

Заминка оказалась недолгой: почти сразу броневик с грузовиками прижались к обочине, и очередного затора не случилось. Минуту спустя через холм перевалила наша автоколонна; на полной скорости автобусы промчались мимо, полетели из-под колёс брызги грязи. Нервы так и свело в ожидании взрыва или обстрела, но Бог миловал, обошлось.

Дальше пришлось возвращаться за прикрывавшим нас Тимуром, а потом гнать как сумасшедшему, навёрстывая отставание, но и так обошёл автобусы только у самого Новинска, когда до контрольно-пропускного пункта оставалось рукой подать. В городе сопровождать колонну приказа не было, забежали выпить чая и погреться в служебный буфет.

– По пятьдесят грамм? – предложил потиравший озябшие руки снайпер.

– Не дело это, – решительно отказался Фома. – Вернёмся – выпьем.

– Так мы когда ещё вернёмся! – возразил раздосадованный отказом Тимур. – А согреться прямо сейчас надо!

– Кстати! – встрепенулся я, глотнув чая. – Вы о каких-то горячих источниках, помнится, толковали. Это далеко отсюда?

Стрелок презрительно фыркнул.

– Я наружным греться не согласен, только внутренним!

– Да просто интересно, туда вообще сильно сложно добраться? – пояснил я свою мысль. – Если от Новинска? Я бы подружку взял…

Фома рассмеялся и хлопнул меня по плечу.

– В правильном направлении мыслишь. Покажем!

Тимур кивнул с кислым видом.

– Покажем, ага. Нам так и так северной дорогой возвращаться, там совсем небольшой крюк выйдет. Чёрный омут помнишь? Вот километрах в пяти к северо-востоку от него.

Я разочарованно вздохнул.

– Да уж, своим ходом из Новинска замучаешься пилить.

Фома Коромысло только руками развёл.

– Сложности нужны для того, чтобы их преодолевать! Велосипеды в прокате возьмёте, в конце концов. С Чёрным омутом, кстати, тоже не всё просто: вода круглый год примерно одной температуры. Там даже зимой купаются.

– Всё равно далековато, – досадливо поморщился я, допил чай и предложил: – Ну что – выдвигаемся?

Затягивать патрулирование откровенно не хотелось, и причин тому было превеликое множество. Начать хотя бы с того, что мне ещё с Кордона в Новинск мотоцикл перегонять, да и в городе дела – одно неотложней другого.

Вышли на стылый ветер, забрались на мотоцикл, и вот тут уж я его еле завёл, с минуту провозился – не меньше. Впрочем, был у морозца и несомненный плюс: грязь прихватило, ехали будто по брусчатке, ещё и брызги из-под колёс не летели. Заносило, конечно, немного на ледке, но после съезда с трассы замёрзшие лужи попадались нечасто, всё больше трясло на кочках и сосновых корневищах. А в лесу ещё и ветер стих – красота, да и только. Но лето с его

жарой и пылью мне, положа руку на сердце, всё же нравилось несравненно больше.

Минут пятнадцать – двадцать мы катили по узкой извилистой дорожке едва ли не со скоростью пешехода и за всё это время не встретили ни единой живой души.

– Может, на пасеку заедем? – предложил Тимур. – Медовухи попьём. Или пивка с мёдом горячего, а?

– Да ну тебя! – отмахнулся Фома. – Зря мы сюда по такой погоде попёрлись, нет здесь никого. Петя, давай на следующей просеке направо, она прямиком к трассе идёт. А горячие ключи сам найдёшь. Они на всех картах обозначены, посмотришь в комендатуре.

Но сворачивать на просеку не пришлось, я загодя притормозил и остановился у перекрёстка, отмеченного двумя полосами примятого снега.

– Легковушка, – с первого взгляда определил Тимур и неуютно поёжился. – Что-то мне это напоминает. Может, ну его к лешему, а?

Фома выбрался из люльки, походил туда-сюда, затем указал в сторону озера и хмыкнул.

– Свяжись с дежурным, – попросил он снайпера. – Вдруг у них информация по транспорту есть. Узнай, какие легковые автомобили в направлении Кордона пропускали.

Тимур досадливо поморщился и зажмурился, а пару минут спустя шумно выдохнул и мотнул головой.

– Порядок! – уверил он нас. – Какие-то мажоры перед Новым годом развеяться решили. Не наши клиенты, чего им мешать?

Но младшего сержанта такой ответ не устроил.

– Цель выезда? – требовательно спросил он.

– Групповая медитация, – ухмыльнулся Тимур. – Два богатеньких мальчика, две смазливые девочки – отчего бы им не помедитировать совместно? – Он согнал с лица ухмылку и уже совершенно серьёзно произнёс: – Заявку они не оформляли, эту ерунду наплели на пропускном пункте. Два часа назад дело было.

Фома махнул рукой.

– Да и чёрт с ними! – объявил он. – Петя, погнали!

Дважды просить меня не пришлось; я завершил разворот и покатил к трассе.

Когда приехали на Кордон, у меня зуб на зуб не попадал. Нет, по мере приближения к Эпицентру воздух заметно теплел, только этого было откровенно недостаточно, чтобы прогнать озноб, вызванный получасовой ездой на студёном ветру. И даже так в душ я не пошёл, не стал и переодеваться. Забежал отметиться в дежурную часть и в сопровождении сержанта Козодоя двинулся в каморку лейтенанта.

Взводный поднялся из-за стола и протянул руку.

– Даже отпускать не хочется, – усмехнулся он. – И не отпустил бы, но тут уж деваться некуда: нас перед фактом поставили.

– Я и сам был бы рад остаться, Игорь Юрьевич… – промямлил я в ответ, определённо покривив при этом душой.

Устал – да. Впрочем, и обратный перевод в Новинск радовал отнюдь не возвращением в комендатуру. Век бы своих бывших сослуживцев не видеть.

– Ничего-ничего, учёба – это святое! Мы тут тебе на прощание подарок организовали. На добрую память! – объявил лейтенант и подмигнул прапорщику. – Так ведь, Данила Сигизмундович?

– А то как же! Подарок – всем подаркам подарок!

Мелькнула мысль, что мне от щедрот зампотеха обломится кожаная куртка, которую пришлось сдать на склад, но разбазаривать подотчётное имущество прапорщик не собирался.

– Поздравляю с присвоением очередного воинского звания, ефрейтор Линь!

Честно говоря, едва челюсть от удивления не отвисла. И нет – это была вовсе не шутка. Взводный, помимо приказа, сразу выдал ещё и лычки.

– Спасибо, Игорь Юрьевич, – пролепетал я.

Натуральным образом пошла кругом голова, и в коридор я вышел изрядно сбитым с толку.

– Захар, это как вообще, а? – обратился там к командиру отделения. – По штатному расписанию взвод ефрейторами полностью укомплектован!

– У нас – да, – ухмыльнулся сержант. – А что там с этим у вас в комендатуре, комбата не колышет. Ему представление закинули, он поржал и подписал. Тебя ж на конец года у нас уже не будет, в отчётность не попадёшь. Учись, Петя, как дела делаются!

Я озадаченно хмыкнул, зашёл в дежурку, попрощался там со всеми, заодно привёл нашивки в соответствие с новым званием. Пусть по возвращении в учебное отделение комендатуры запросто могут разжаловать обратно в рядовые, но во всём должен быть порядок. До конца дня я – ефрейтор. Надо соответствовать.

Заправив мотоцикл, я погрузил в люльку вещмешок и фанерный чемоданчик с пожитками, покинул территорию авточасти и заехал в канцелярию батальона. Там на все формальности не ушло и десяти минут, несравненно дольше получал расчёт. Сначала счетовод с засаленными нарукавниками мучительно медленно высчитывал моё декабрьское жалование, затем пришлось выстоять очередь в кассу. Но ожидание окупилось сторицей: на руки выдали двести пять рублей сорок копеек.

Откуда столько набралось при окладе в сотню? Да буквально – с миру по нитке.

Четвертной – надбавка за профессию, пятёрка – за статус отличника-парашютиста. Тридцатка – доплата за вредность: как оказалось, каждый заезд на территорию Эпицентра прибавлял к довольствию рубль. Остальное пришло от института: их тариф был скромнее и составлял пять копеек за каждый румб сопровождения соискателей. Меня обычно ссаживали при первой же инициации, но и так набежало сорок пять рублей с полтиной.

Плохо разве? Вовсе нет.

К слову, за ассистирование доценту Звонарю при подстройке операторов с каждого оператора мне капало пятьдесят копеек. Не могу сказать, будто прямо разбогател, но с учётом премии в размере оклада за участие в контрдиверсионной операции скопить удалось весьма и весьма немало.

Я устроился на подоконнике в глухом закутке и принялся пересчитывать мятые банкноты разного достоинства, среди которых преобладали зелёные трёшки, синие пятёрки и красные червонцы. Насчитал огромную по моим меркам сумму в семьсот двадцать рублей.

Шик, блеск, красота!

Спрятав деньги, на которые имелись вполне определённые планы, я отправился в столовую при госпитале и плотно там пообедал, а после, как и было условлено, задержался подхватить Аркашу Пасечника и Никиту Алтына.

Ну да – вот уж воистину удивительное дело, но с мясистым егерем мы в итоге очень даже неплохо поладили. Тут много всего сказалось, но в первую очередь свою роль сыграл тот факт, что это именно его отделение выволокло меня с десятого витка Эпицентра в тот день, когда…

В общем – в тот день. Точка.

Вспоминать об известных событиях категорически не хотелось, а официально вспоминать и нечего было; просто в ходе тренировочного полёта из-за допущенной пилотом ошибки произошло крушение самолёта и погибли четверо авиадесантников, а выживший лётчик был взят под арест. Разумеется, шила в мешке не утаишь, и шептались на Кордоне о всяком, но именно что – шептались. И вот эта невозможность открыто рассказать о случившемся посторонним, некая

избранность даже, и сблизила меня с егерями. Сначала, конечно, пришлось перебороть себя и поставить парням выпивку, ну а потом здороваться начали, так дальше и пошло всё само собой. Сдружиться – не сдружились, но вполне себе приятельствовали.

Второго числа егерей отправляли на зимние маневры – подальше от Эпицентра, в мороз и снега, а сегодня и завтра всем желающим полагалось увольнение, и я взялся подвезти Аркашу и Никиту в Новинск. Им попутку не искать, мне одному по трассе не ехать. Взаимная выгода, с какой стороны ни посмотри.

Долго ждать егерей не пришлось. Поздоровались, и Алтын устроился в коляске, а мой бывший одноклассник – на заднем сиденье.

– Застегнись, продует, – предупредил я Никиту, который щеголял нагрудным знаком «За отличную службу» и потому ходил нараспашку в любую погоду. – На Кордоне – нормально, а на трассе мигом просквозит.

Вообще эта награда была предметом моей тайной зависти, ещё и поэтому шинель запахнуть посоветовал, чего уж греха таить. Вдвойне обидней было из-за того, что знак полагался и мне, да закрутилась та кутерьма с обвинением в убийстве, и комбат в сердцах отозвал представление, ну а когда во всём разобрались, было уже поздно – поезд ушёл. Обидно, досадно, но жив остался – уже хорошо.

Вот снайпера нашего Голыша солдатским крестом посмертно наградили – ему от этого легче, что ли? В отличие от событий второго сентября, подробности перехвата диверсантов рассекретили почти сразу; лейтенанту и Лизавете Наумовне вручили медали за отвагу, да и я себя обделённым отнюдь не полагал: сто рублей на дороге не валяются.

– Застегнись-застегнись! – добавил я, поскольку Алтын только фыркнул в ответ. – А то вместо танцев будешь сопли на кулак наматывать!

– Как скажешь, мамочка! – фыркнул Никита и всё же запахнул шинель.

Впрочем, этой бравады хватило минут на двадцать – на полпути к Новинску заметно похолодало, там он и застегнулся, и воротник поднял. Даже меня в кожаном плаще встречным потоком воздуха до костей пробирало, что уж о

тоненьком драпе говорить!

Когда я высадил егерей у остановки трамвая, они принялись пританцовывать и размахивать руками, пытаясь согреться и разогнать кровь по жилам. А мне – нормально. Я – привык.

– Увидимся! – отсалютовал я напоследок и покатил в комендатуру.

На сердце было неспокойно. Пусть и гнал дурные мысли, уверяя себя, будто ситуация за прошедшие месяцы поменялась кардинально и никому не позволю на себя давить, но от неизбежной конфронтации с Федей Маленским противно ныло под ложечкой. На Борю – плевать, его мигом приструню при необходимости, а вот с Барчуком придётся пободаться.

Но – плевать! Справлюсь!

Запустили меня на территорию без единого вопроса, в авточасти тоже обошлось без проволочек. Думал, придётся самолично мотоцикл мыть, но нет – дежурный техник только рукой махнул.

– Брось! Наряды на мойку техники у ваших оболтусов на неделю вперёд расписаны. Выдраят так, что блестеть будет!

– Здорово! – обрадовался я и начал с помощью шланга избавлять плащ и сапоги от подсохших брызг грязи. – Да! Ещё стартер барахлить начал. Глянете?

– Запишу, посмотрят.

– Спасибо!

Я закинул на одно плечо ремень пистолета-пулемёта, на другое повесил вещмешок, подхватил чемоданчик и двинулся к зданию комендатуры. Там первым делом зашёл в оружейную комнату, разрядил и сдал ППС и ТТ. По идее, ещё числился в оперативном резерве и мог придержать табельное оружие до конца дня, но куда оно мне? Не брать же в город! А что привык постоянно на поясе тяжесть кобуры ощущать – то не беда: как привык, так и отвыкну. Ерунда.

После оружейки сходил в канцелярию и сдал стопку бумаг, а заодно и учётную книжку. Затем уже двинулся в казарму. На стук никто не ответил, отпер дверь комнаты своим ключом, огляделся. Вроде всё как было, так и осталось, и всё же обстановка неуловимо изменилась. Обжитой, что ли, комната стала? Пожалуй, так.

Но моя кровать стояла пустой, так что задвинул под неё чемоданчик и развесил одежду в шкафу, потом встал у окна, раздумывая, как быть дальше. Стоило бы показаться на глаза Дыбе, но это могло и подождать. Увольнительная до двадцати трёх ноль-ноль завтрашнего дня была на руках, и выяснять мнение старшины на этот счёт совершенно не хотелось. Хватит уже того, что канцелярия в курсе.

Переодевшись в полевую форму, я подхватил вещевой мешок и спустился на улицу, оставив плащ в шкафу. На улице было не так уж и холодно, да и на своих двоих передвигаться – это не на мотоцикле нестись, когда ветром всего так и пронизывает. Опять же и бежать недалеко, всего-то до соседнего квартала; Василь в одном из писем подробно дорогу расписал, плутать не придётся.

И всё бы ничего, но на подходе к контрольно-пропускному пункту наткнулся на возвращавшееся из училища отделение с Федей Маленским во главе. Общее количество курсантов не претерпело изменений, а вот состав заметно отличался от прежнего. Не было видно девушек, да ещё куда-то запропали братья-пролетарии, на смену им добавилось несколько незнакомых парней. И, разумеется, просто разойтись не вышло.

– Курсант Линь! – расплылся Федя в улыбке, не предвещавшей мне ничего хорошего. – Что за безобразие у тебя с нашивками?! Немедленно привести их в порядок! Немедленно!

Боря Остроух аж захрюкал от удовольствия, да и новички заухмылялись, но на них – плевать. По уму, наглеть не стоило, вот только для себя я загадал пойти на обострение ситуации при первой же возможности, поэтому в ответ улыбнулся ничуть не менее мерзко.

– Ты, Федя, говори-говори, да не заговаривайся!

Маленский стиснул кулаки и шагнул вперёд. Думал – ударит, но и мысли не возникло принять защитную стойку, да и сдачи бы давать не стал, утёрся. Накатал бы потом рапорт – и всё, после такого в заместителях командира не удержаться.

Увы, Барчук понимал это не хуже моего и на людях махать руками не решился.

– Я. Тебя. Предупредил! – процедил он, размеренно роняя слова.

– До двадцати четырёх ноль-ноль ты, ефрейтор Маленский, для меня полный ноль, – заявил я и двинулся прочь, на ходу поздоровался с Василем, кивнул Мише Поповичу и вышел за ворота, там только шумно выдохнул и разжал судорожно стиснутые кулаки.

Ух! Вот это хватанул адреналина на пустом месте! Вроде ерунда на постном масле, но не люблю такую нервотрёпку, и всё тут. Будто в выгребную яму окунулся. Неприятно.

Я прибавил шаг и очень скоро отыскал магазинчик готового платья. Тут же располагалось ателье, в котором можно было пошить костюм на заказ либо же подогнать по фигуре фабричный. На мою удачу заведение в преддверии празднования Нового года закрыться не успело, иначе остался бы без подходящего наряда: мало того что штаны и поло не годились для нынешней погоды, так ещё просторная прежде рубаха стала откровенно узковата в плечах. Из дома, конечно, прислали тёплые вещи, но за исключением шерстяных носков и кальсон с начёсом ничего полезного в посылке не оказалось.

– Да-да, молодой человек… Чем могу помочь? – приободрил меня то ли приказчик, то ли владелец магазина, когда я подошёл к прилавку.

– Я от Василя. Он должен был передать мерки и договориться о подгонке костюма.

На Кордоне ничего подходящего найти не смог, вот и пришлось задействовать связи сослуживца, который, такое впечатление, знал решительно всех. Единственное – без примерок шить костюм я не рискнул и заказал подгонку по размерам готового.

– О! Минуту!

Мне выдали костюм-тройку из тёмно-серой шерсти, кое-где сметанный на живую нитку, который после совсем небольшой подгонки сел так, словно был пошит именно на меня. Широкие штанины, свободный крой пиджака – нигде ничего не давило и не стесняло движений. И не болталось, что тоже немаловажно.

Пиджак и брюки унесли в ателье, и за отгородившей ту часть занавесью немедленно застрекотала швейная машинка. Ну а я прошёлся меж вешалок и выбрал две сорочки – белую и синюю, после спросил:

– Сколько?

Вместо этого услышал в ответ:

– Подтяжки свои или возьмёте у нас?

Точно, подтяжки! Эти брюки нужно было носить с помочами, а у меня не было ни их самих, ни опыта обращения с оными.

– Возьму, да.

– Головной убор?

И вновь я не сразу нашёлся с ответом. Сорить деньгами не хотелось, но моя панама к костюму нисколько не подходила, а о старой гимназистской фуражке и вспоминать не стоило. Не то, всё не то.

– Кепка, пожалуй.

Фуражки я отмёл сразу, в шляпе был бы смешон, а вот кепка должна была придать вид залихватский и отчасти даже хулиганистый. Благо даже выбирать из представленных образцов не пришлось, это сделал продавец, отыскав головной убор, пошитый из материала той же расцветки, что и костюм.

И да – кепка понравилась. Точнее – понравилось, как выгляжу в ней, когда посмотрелся в зеркало.

А вот что не понравилось – так это озвученная итоговая сумма. Запросили с меня за всё про всё ни много ни мало триста девяносто пять рублей.

Покривился мысленно, но виду не подал, извлёк из кармана стопку банкнот, отсчитал требуемую сумму. Заодно, договорился о том, чтобы перешили ещё и летние прогулочные штаны с рубахой-поло; внёс пятёрку задатка.

Форму я убрал в вещмешок, вышел на улицу уже в костюме, предварительно убив минут пять на попытки совладать с подтяжками. Справился в итоге с помощью продавца: тот отрегулировал всё как надо, помог стянуть на спине и застегнуть все пуговки на креплениях, а после порекомендовал не пренебрегать жилеткой, дабы случайно не фраппировать видом помочей почтенную публику.

– Советую сразу пошить вторую пару брюк, – сказал он напоследок.

Поблагодарив его за совет, я покинул лавку и двинулся по улочке, параллельной той, на которой располагалась комендатура, чтобы вскоре отыскать комиссионный магазинчик, где в том числе торговали и обувью. Армейские ботинки в сочетании с костюмом смотрелись очень уж топорно, требовалось что-то более изящное и модное, но при этом и функциональное. И неношенное, точнее – без явных следов износа.

Лавку эту, как и предыдущее заведение, подсказал Василь, на него я и сослался. Хозяин насчёт предпочтений и размера справляться не стал, сразу принялся рыться под прилавком и после недолгой возни выставил на прилавок чёрные полуботинки с закрытой шнуровкой. Вполне классические на вид, но с закруглёнными носками, что отчасти придавало им небрежно-спортивный вид. Только взял их и сразу уловил запах свежей кожи.

Новенькие! Неношеные!

И пусть это были не лакированные туфли или столь обожаемые эпатажными модниками двухцветные корреспонденты, несомненным был и тот факт, что запросят с меня никак не меньше полутора сотен, а я столь серьёзную трату позволить себе, пожалуй, не мог.

– Девяносто за пару, – проскрипел простуженным голосом плюгавый скупщик всего и вся, трубно высморкался в замызганный носовой платок и добавил: – Полуброги, последний писк моды!

Так оно и было. За недельную поездку по железной дороге я успел проглядеть все модные журналы Лии, и там это название встречалось не раз и не два. Обычно в связи с каким-то айлийским принцем.

Но девяносто рублей за пару?

Я придирчиво изучил подошвы и швы, помял кожу, озадаченно взглянул на обувщика.

– Серьёзно?

– Я похож на шутника? – прогундосил тот в ответ. – Так берёшь или нет?

Наверное, стоило поинтересоваться причиной столь подозрительной дешевизны, но я промолчал, решив справиться на этот счёт у Василя. Впрочем, и вот так сразу за деньгами не полез, для начала принялся расшнуровывать собственные ботинки.

– Сначала примерю.

– Примеряй – не примеряй, единственная пара осталась. Специально для тебя придержать попросили.

Оборотистости Василя оставалось только позавидовать, но я заморочить себе голову не дал, переобулся и прошёлся вдоль прилавка. Как это обычно и бывает с новыми ботинками, те немного давили, но пальцы в носок не упирались, да и колодка не ощущалась чрезмерно узкой. Просто новая неразношенная обувь.

Новая!

Дальше я терпение продавца испытывать не стал и выложил на прилавок девять червонцев, а после стребовал пару газетных листов, в которые завернул свои ботинки, прежде чем уложить их к форме в вещмешок.

Ну, всё – к празднованию нового года готов!

Хотелось петь и танцевать, настроение не портил даже грядущий конфликт с Маленским. Плевать я на него хотел! На всё плевать! Сегодня я встречаю Новый год с Ниной!

Перед поездкой в «СверхДжоуль» пришлось заскочить в казарму, и на этот раз Василь оказался в комнате. Он стоял перед зеркалом и брился, не прекратил избавляться от щетины и при моём появлении, только расплылся в широченной улыбке.

– Ну, Петя, ты и дал! У Барчука разве что дым из ушей не валил!

– Перебесится, – отмахнулся я с показной беспечностью.

Но я точно знал: нет, не перебесится, и мой сосед полагал ровно так же.

– Боря молодым все уши прожужжал, как тебя строить будут, а ты их так обломал.

– Вот меньше всего меня Борины проблемы волнуют.

– А это не Борины проблемы. Учти – Федя этого так не оставит. Иначе молодые бояться перестанут.

Я пожал плечами.

– Поживём – увидим, – развесил форму и спросил: – А чего на учёбу не в полном составе ходили? Остальные где?

– В полном, как – не в полном? – удивился Василь. – А! Ты просто не писал давно, вот и не в курсе, что теперь у нас учебный взвод. «Псы» и Макс – это который с седьмого витка, – теперь заместители командиров в других отделениях. И ещё женское отделение сделали. Там Машка Медник замком.

– Да иди ты! – удивился я. – Она ж тупая!

– Сам удивляюсь! Такое впечатление, недалёкой просто прикидывалась, – покачал головой мой сосед по комнате. – А ещё поговаривают, перед назначением с кем-то из руководства долгую беседу имела. – И он многозначительно добавил: – О-о-очень долгую. На всю ночь. И теперь не она за Федей бегает, а наоборот.

Я озадаченно хмыкнул, а потом прищёлкнул пальцами.

– Слушай, а почему тебя не назначили?

Сказал и сообразил, что невзначай ткнул в больное место, но Василь пренебрежительно фыркнул.

– Очень надо! У меня другие планы. Заранее говорить ничего не буду, чтоб не сглазить, но киснуть в комендатуре не собираюсь. Есть варианты получше, знаешь ли!

Приставать с расспросами я не стал и указал на ботинки.

– Гляди, какую красоту взял всего за девяносто!

– Транжира!

– Да они полторы сотни точно стоят!

Василь смерил мою обновку оценивающим взглядом и покачал головой.

– Не, им сотня – красная цена.

– Скажешь тоже! Самое меньшее сто двадцать. Я удивляюсь, что мне так дёшево отдали.

– Контрабандные, может? Или размер неходовой? – предположил Василь, отложил бритву и принялся вытирать лицо полотенцем. – Не вникал, честно

говоря. Повода не было. Мне мои носить – не переносить.

– Вы в город сейчас? – спросил я.

– Да, но Варька ещё полчаса точно прихорашиваться будет.

– Тогда побегу. С наступающим!

– С наступающим, Петя!

Пока шёл до трамвайной остановки, слегка продрог и в очередной раз пожалел о лётной кожаной куртке. Но не в плаще же на праздник идти! Несерьёзно. Только бы к вечеру ещё сильнее не похолодало, а то так и простыть недолго.

Мелькнула мысль навестить Льва, но уже не успевал по времени, решил ехать прямиком на Народную площадь. Ничего! Ко Льву завтра загляну. До самого вечера буду свободен как ветер, вот и проведаю.

Только подумал о ветре, и тут же студёным порывом до костей пробрало. Ладно хоть ещё трамвай сразу подъехал, заскочил в него и с облегчением перевёл дух. Затем огляделся и решил, что знобит меня то ли с непривычки, то ли и вовсе нервозность сказывается. Из пассажиров в куртках и пальто было лишь несколько человек, в основном все ограничились пиджаками, разве что многие поддели под них пуловеры. Среди прохожих та же картина. Да и барышни красовались в кофтах, жакетах и шерстяных чулках. В плащах – единицы.

Сойдя на привокзальной площади, я первым делом посетил главпочтамт, отбил домой короткую телеграмму и отправил новогоднюю открытку, а ещё сделал почтовый перевод, переслав сто рублей на подарки. Пусть с января снова на курсантское довольствие сяду, серьёзных трат в обозримом будущем не предвиделось, а на развлечения и походы в кафе заначенной сотни надолго хватит, если не шиковать.

Презент Нине? Этим я озаботился заранее и ещё собирался купить букет, но изучил расценки в цветочных палатках и заколебался. Опять же – ну куда Нине этот веник? Весь вечер с ними таскаться придётся, а то и до самого утра.

Но так далеко загадывать я не стал, забежал в парикмахерскую, постригся и побрился, а после позволил мастеру пару раз пшикнуть на себя одеколоном. Расплатился, вышел и забрался в кабинку чистильщика обуви. Когда тот надраил мои полуботинки, я встал перед витриной, поглядел на своё отражение и поправил кепку.

Хорош! Нет, действительно – хорош.

Будто и не Пётр Линь это, а какой-нибудь студент. Нина точно оценит.

Я оглянулся на башенку вокзала с часами и обнаружил, что в «СверхДжоуле» уже полчаса как запускают на новогоднее сборище, вот и не стал тянуть, отправился прямиком в клуб.

Взбежал по ступенькам, распахнул дверь и небрежно кивнул вахтёру, но хмурый здоровяк отлип от стены, которую подпирал до того, и загородил дорогу.

– Вход только по студенческим билетам.

– Серж, ты чего? – опешил я. – Это же я! Пётр Линь! Я член клуба!

– Вход только по студенческим билетам! – упрямо повторил вахтёр.

Я порылся по карманам и достал карточку среднего специального энергетического училища, но этот документ здоровяка не устроил.

– Нет студенческого билета – на выход! – отрезал он.

У меня внутри всё так и перевернулось, а от обиды и вселенской несправедливости защипало глаза, но на попятную я идти не собирался.

Ну уж нет! Только не сегодня!

Сейчас я тебе покажу – студенческий билет!

Глава 2

Стыд и замешательство всколыхнулись и пропали, на смену им пришла безрассудная злость. Аж перекрутило всего, до того захотелось по наглой морде вахтёра кулаком приложиться.

– Да ты издеваешься?! – вырвалось у меня.

Я шагнул вперёд, и тогда откуда-то сбоку вынырнул рыжеволосый напарник Сержа.

– Правила – есть правила, – примирительно развёл он руками. – Не мы их устанавливаем.

Злость отступила в момент, будто дурной припадок отпустил. В сложившихся обстоятельствах затевать драку было не лучшей идеей, вот и заставил себя разжать кулаки, спросил:

– А кто? Кто устанавливает правила?

– Председатель клуба.

Я нахмурился, но сразу припомнил имя спортивного старшекурсника с кафедры пиковых нагрузок.

– Яков, да? Он сейчас здесь? Позовите его!

– Всенепременно, – с какой-то очень уж зловещей многозначительностью проронил Серж, распахнул внутреннюю дверь и скрылся в зале.

Я не стал торчать столбом посреди вестибюля, отошёл к гардеробу, опёрся поясницей о его стойку. Не столько желал придать себе невозмутимый вид, сколько в попытке замаскировать дрожь в коленках.

– Что за дела, а? – обратился я к рыжему вахтёру. – Что за нововведения?

Тот ничего не сказал, лишь головой покачал.

Я отвернулся, заглянул в дверь. Насколько удалось разглядеть, столы уже были накрыты, но пока ещё преимущественно пустовали, а немногочисленные посетители толпились у бара.

– Поприветствуем же нашего почётного йога, владыку гроссбухов, повелителя счетов и непревзойдённого жонглёра цифрами, благодаря милости которого нам начисляется стипендия! – донеслось оттуда. – Михаил Прокопьевич сегодня выступит с рассказом о своём путешествии в горный Джунго и поисках истинного источника!

Раздались аплодисменты, и стройный мужчина лет сорока пяти с собранными в косицу волосами, длинными и чёрными, всплеснул руками.

– Ну что вы в самом деле! Ну какой истинный источник, право слово? – рассмеялся он. – Истинный источник находится внутри каждого из нас, нужно лишь достичь состояния просветления. И для вхождения в сатори вовсе не обязательно годами медитировать в горных храмах. Любой может прийти к этому, главное – найти свой путь. Так сказал гуру Махат Атман, а он – великий мудрец. Известно ли вам, что он последовательно проходит реинициации в источниках сверхсилы от самого слабого километрового пятна в Пахарте и стал первым иностранцем, коему оккупационная нихонская администрация дозволила настроиться на захваченную ими аномалию? За его восхождением следит весь мир, и я счастлив сообщить, что и айлийские бюрократы пошли навстречу нашему коллективному прошению!

В этот момент вахтёр привлёк внимание председателя студенческого клуба, и они оба двинулись к выходу из зала.

– Яков, тут какое-то недоразумение… – начал было я, но по выражению лица старшекурсника вмиг понял: никаким недоразумением тут и не пахнет.

– О чём ты? – свысока глянул на меня председатель клуба.

– Меня не пускают.

– У нас студенческий клуб. Он для студентов! – заявил Яков, скрестил на груди руки и поставил вопрос ребром: – Ты – студент?

– Но я же…

– Ты – студент?

Челюсти словно свело, едва сумел выдавить из себя:

– Нет.

– Ну так и чего ты хочешь? Нам тут шпики не нужны!

Меня будто на тридцатиградусном морозе ледяной водой окатили.

– Ты о чём?

Яков презрительно скривился.

– Думал, не узнаем, что ты из комендатуры? Проваливай! А не уйдёшь сам, выставят за дверь силой! У нас частное заведение!

На виске часто-часто забилась жилка, в глазах потемнело, захотелось заорать в голос и со всего маху приложиться кулаком по наглой холёной роже. Но – сдержался. Взял паузу, мысленно досчитал до пяти, потом сказал:

– Передай Нине, жду её на улице.

– Передать?

В голосе председателя клуба сквозила откровенная издёвка, и вновь накатил приступ бешенства, и вновь удержался, не сорвался на крик.

– Передай, и у меня не будет повода возвращаться.

Яков задумался, потом кивнул.

– Хорошо! А теперь убирайся!

Серж наметил движение вперёд, и я не сдвинулся с места, мрачно уставился на него. Не дождался от вахтёра решительных действий и вышел на улицу, мягко притворив за собой дверь. На деле хотелось долбануть ею со всей дури, но решил не терять лица.

А в голове в такт лихорадочному сердцебиению стучало: «шпик! шпик! шпик!»

Я – шпик! И все об этом знают!

Но – откуда? Я ведь с августа в комендатуре не числюсь! Что за ерунда?!

Далеко я уходить не стал, плюхнулся на ближайшую скамейку, пристально уставился на вход в клуб. Изо рта облачками пара вырывалось дыхание, но холодно мне не было. В воздухе невесомые снежинки кружатся, а мне – жарко. И душно. Дышу и никак надышаться не могу.

Нина! Нина тоже знает!

От этой мысли во рту стало кисло, аж зубами скрипнул.

Дерьмо! Вот же дерьмо! Она выйдет вообще?

Усомнился в этом, но – вышла. Нина порывисто сбежала с крыльца, и я вскочил с лавочки, поспешил её навстречу, но только протянул руку, и студентка резко отпрянула.

– Не трогай меня!

Я замер на месте, пересилил себя и спросил:

– Нина, да что такое?

– Сам будто не знаешь! – чуть ли не выкрикнула девчонка, тушь которой потекла и размазалась от слёз. – Ты меня обманул! Выставил полной дурой!

– Ты о чём вообще?

– Ты из комендатуры!

– Я – не из комендатуры, – ответил я полуправдой и поспешно добавил: – Нет, постой! Да не из комендатуры я, честно! И тебе я не врал! Я действительно учусь в энергетическом училище. Но ещё – мотоциклист.

– В корпусе! – обвиняюще произнесла Нина.

Тут уж отпираться было бессмысленно, пришлось признать:

– Ну да.

– И ничего мне не сказал!

– Да просто речи не заходило. Слушай, я ведь ничего не скрывал – даже на мотоцикле приезжал. Помнишь?

– Но ты и не рассказал правды! – отрезала студентка. – Теперь все считают, что я обо всём знала и покрывала тебя!

Я ощутил иррациональное раздражение и едва не наговорил в ответ грубостей, каким-то чудом сдержался и со вздохом спросил:

– В чём покрывала? Служба в корпусе – это преступление? Ну извини – не знал!

– Служить – не преступление. А вот скрывать это – подло! Теперь все считают тебя шпиком, а меня – пособницей!

– Глупости какие! Тебе не плевать, кто что думает?

– Нет, не плевать! Видеть тебя больше не желаю!

Нина развернулась и убежала в клуб, а я немного ещё постоял перед крыльцом, затем вернулся к скамейке, уселся на неё и откинулся на спинку. Расстроился ужасно. Такие планы на этот вечер были – и всё псу под хвост отправилось. Нинку ещё расстроил, испортил ей праздник.

Я сунул руку во внутренний карман, смял цветастую упаковочную бумагу и отправил её в урну, следом выкинул и картонную коробочку. В руке остался зажат стеклянный шарик величиной со сливу, за толстыми стенками которого подрагивала капля чувствительной к сверхэнергии грязи. Зажав безделушку в кулаке, я начал набирать потенциал и сразу ощутил, как шар едва заметно дрогнул и принялся выворачиваться из пальцев. Тогда усилил хватку и начал бездумно крутить кистью. Стекло нагрелось, от него начало распространяться приятное тепло – для медитации лучше и не придумаешь.

Такие вот сувениры из отработанной субстанции изготавливала в госпитале троица аспирантов, мне по знакомству они уступили пару шариков за полцены. Хотел подарить один Нинке, и вот оно как получилось.

И всё же – какая тварь сдала? Как же так вышло, а?

Не знаю, сколько времени провёл, погрузившись в лёгкий транс, очнуться заставил хлопок по плечу.

– Пьер, дружище! А ты чего внутрь не заходишь?

– О, Карл! Привет! – Я поднялся на ноги, ответил на рукопожатие и указал на клуб. – Иди, там расскажут.

– С Нинет, что ли, поссорились?

– И это тоже, – подтвердил я и уселся обратно на скамейку.

– Ты сегодня такой загадочный! – хохотнул Карл и попросил: – Не уходи никуда только, я сейчас Мэри заберу и выйду.

Мне было всё равно, но всё же уточнил:

– И куда собрались?

– У нас на военной кафедре своё сборище, – поведал мне Карл и двинулся в сторону клуба.

Я откинулся на спинку скамейки и сунул руки в карманы пиджака. Сам не знаю, почему восвояси не убрался. Некуда идти, наверное, просто было. Некуда и незачем. Такая тоска навалилась – хоть волком вой. Да и взвыл бы, просто не решился напоказ чувства выставлять.

Плохо. Всё было очень и очень плохо.

И ведь даже не в поручении Георгия Ивановича и Альберта Павловича дело, тому поручению сто лет в обед, актуальность давно на нуле. Просто с Ниной нехорошо получилось. Я ведь…

А, к чёрту! Что – я? Люблю её? Ну, наверное. Очень уж тошно на душе. Небезразлична она мне была совершенно точно. Хотя, положа руку на сердце, больше об упущенных возможностях жалею. Ждал ведь этих праздников. Так ждал! И Нину расстроил. Одно к одному подобралось, того и гляди, слёзы на глаза навернутся.

Но – нет, не навернулись. Для этого я был слишком зол. И на себя, и на ту сволочь, что заложила меня студентам. Узнаю – кто, удавлю! Собственными руками придушу гада!

Пальцы сжались в кулаки, но я тут же обуздал эмоции и заставил себя расслабиться.

Ну, придушу и толку? Это уже ничего не исправит и не изменит.

Зараза!

В этот момент из клуба вышел Карл, уселся рядом, глянул с интересом.

– Пьер, ты и вправду в комендатуре служишь?

Врать и недоговаривать я не стал, молча достал из внутреннего кармана служебное удостоверение с вытисненным изображением схемы атома и аббревиатурой «ОНКОР», раскрыл его и протянул студенту. Здоровяк озадаченно хмыкнул.

– Автобронетанковый дивизион? Пьер, ты танкист?

Я фыркнул и забрал удостоверение.

– Мотоциклист. Я же говорил…

– Не-а, не говорил, – передёрнул мощными плечами Карл. – Чего молчал-то?

– Да повода не было.

Карл вздохнул.

– Это ты дал маху. Нинет в истерике бьётся, все вокруг неё хлопочут, Мэри тоже утешать осталась. И на меня ещё наорала. Отстань, говорит. Не могу, говорит, подругу в таком состоянии бросить.

– Ну, извини.

Здоровяк хлопнул меня по плечу мясистой ладонью.

– Ладно, хватит киснуть! Идём!

Я недоумённо вскинул голову.

– Куда?

– Говорю же: у актива военной кафедры своё собрание. Я хотел Мэри с собой взять, она не пойдёт, место освободилось.

– Ты серьёзно?

– Нет, ёлки, шучу! – разозлился Карл ухватил меня за плечо и легко вздёрнул с лавочки, после перчатками сбил нападавшие на плечи снежинки. – Пьер, на военной кафедре ни снобов, ни пацифистов не держат. Какие могут быть предрассудки, если почти все на службу в корпус после выпуска поступят? Вот с Нинет у тебя промашка вышла. Она к общественному мнению прислушивается. Ей надо было сразу обо всё рассказать, а так разобидится надолго.

Студент натянул перчатки и потянул меня от клуба.

– Идём, сегодня тут точно ловить нечего. Завтра с ней поговоришь.

И я сдался, пошёл с Карлом неведомо куда, а на ходу подумал, что совсем упустил из виду перчатки. Надо было купить.

Стемнело, но темноту на бульваре разгонял свет уличных фонарей. У распахнутых дверей питейных заведений курили и смеялись весёлые компании, прогуливались парочки, кто-то спешил по делам, кто-то пританцовывал на морозце в ожидании своей второй половины. С лёгким цокотом подков по брусчатке нас обогнали два конных полицейских, навстречу прокатил вездеход ОНКОР.

Наверное, именно вид коллег и заставил вспомнить о благоразумии и пройти мимо клуба «Держава и скипетр», а не вывернуть из мостовой булыжник и не засадить им в окно этого прибежища реваншистов. Будто нарочно именно в этот момент у крыльца остановился сверкавший в свете электрических ламп затейливой решёткой радиатора и свежей полировкой автомобиль с плавными изгибами крыльев. Вахтёр в ливрее с золотым позументом вмиг оказался рядом и распахнул заднюю дверцу, позволяя выбраться наружу расфуфыренным барышням в меховых накидках и манто.

Так и захотелось подкараулить здешних монархистов и от души им навалять!

Но дурь, конечно. Пусть у самого на душе кошки скребут, последнее дело – другим праздник портить, отчасти даже подло как-то. Да и проблем потом не оберёшься. А у меня собственных вагон и маленькая тележка. Мне ещё с Федей бодаться…

Я тяжело вздохнул, и Карл указал на узкий проход между выстроенными чуть ли не впритык друг к другу каменными особняками. Мы прошли в тёмный двор-колодец, и студент первым начал подниматься по боковой лестнице. Я поспешил следом, а на площадке второго этажа поёжился и заметил:

– Не слишком похоже на клуб. Больше на притон.

Карл басовито рассмеялся.

– Не в бровь, а в глаз! Тут одно время опиумная курильня была, а когда её накрыли, помещение конфисковали и передали институту.

Он как-то затейливо постучал, и с минуту ничего не происходило, даже пришлось повторить условный сигнал. Тогда сначала сдвинулась в сторону железная пластина, закрывавшая до того смотровую щель, а следом лязгнул засов. Карл распахнул дверь и хлопком по спине направил меня внутрь.

– Проходи, Пьер. Будь как дома!

Я переступил через порог, кивнул то ли вахтёру, то ли выполнявшему роль привратника буфетчику и узким коридором прошёл в просторную комнату с полудюжиной столов и баром с батареей бутылок. Разделённое на квадраты деревянными рейками окно выходило во двор, и через него света внутрь много не проникало даже днём, сейчас же были включены все бра до одного.

В дальнем углу стояла украшенная гирляндами ёлка, там же за столом разместилась компания студентов, и Карл помахал им рукой.

– Привет-привет! – Но подходить не стал и потянул меня к буфету. – Коньяк. Два по пятьдесят! – объявил он вернувшемуся от входной двери мужчине лет сорока на вид в рабочих ботинках, штанах с накладными карманами и свитере грубой вязки.

К слову, мой спутник и сам обошёлся в этот раз без сорочки, предпочтя ей чёрную водолазку с высоким воротником под горло.

«Ещё одна вещь, приобретением которой стоит озаботиться в самое ближайшее время. Так и так по кафе теперь водить некого, смысла нет накопительством заниматься, – решил я и сразу подумал: – Хотя, быть может, ещё обойдётся? Помиримся?»

Буфетчик поглядел на меня, затем на студента, после указал на батарею бутылок.

– Выбирайте!

Пожалуй, впервые на моей памяти Карл смутился и заколебался, начал стягивать перчатки, не спеша отвечать.

– Самый дешёвый, – пришёл я ему на помощь.

– Трёхзвёздочный, – перефразировал Карл моё пожелание, и буфетчик выставил перед нами две пузатых рюмки-переростка, после откупорил новую пол-литровую бутылку, набулькал в мерный стаканчик порцию коньяка, перелил и повторил процедуру.

Мой спутник взял рюмку, я последовал его примеру, и мы чокнулись. Ну а дальше я в несколько длинных глотков влил в себя обжёгший глотку жидким огнём напиток, шумно выдохнул и передвинул бокал буфетчику.

– Повторите, пожалуйста!

В желудке разгорелось пламя, ударило в голову, растеклось по организму волной тепла. Ничуть не опьянел, просто отступил холод, разом перестало ломить замёрзшие пальцы. Прежде пробовать коньяк не доводилось, и я решил, что он куда приятней водки, коей отпаивали меня в госпитале после первого резонанса.

Карл выпил едва ли треть своей порции и снисходительно заметил:

– Пьер, это же коньяк! Его не хлещут залпом, его смакуют!

– Не после часа на холодном ветру! – отрезал я и полез в карман за деньгами. – Какой взнос?

– Стол – четырнадцать рублей, – объявил буфетчик. – Напитки оплачиваются отдельно.

Я отсчитал три пятёрки и указал на бутылку.

– А бутылка коньяка?

– Пятнадцать рублей двадцать копеек.

Карл встрепенулся и вытащил бумажник, но я ничего и слушать не стал, заменил одну из пятёрок двумя червонцами, смахнул в ладонь выложенную в блюдечко сдачу и без пересчёта ссыпал мелочь в боковой карман. Затем с бутылкой в одной руке и пустой рюмкой в другой двинулся к окну, подоконник которого переделали в длинную стойку; там стояли стулья на высоких ножках и пепельницы.

Пока я располагался на новом месте, подошёл Карл, принёс блюдо с сэндвичами.

– Закусывай, а то развезёт, и до горячего не дотянешь.

– А как же смаковать?

Здоровяк снял с бритой макушки шляпу, кинул её на подоконник и рассмеялся.

– Одно другому не мешает.

Я плеснул себе коньяка, но залпом пить не стал, лишь пригубил, поморщился и взял с тарелки бутерброд с сыром и ветчиной. Откусил, прожевал и спросил:

– Думаешь, отойдёт?

Карл сразу понял подоплёку вопроса и развёл руками.

– Чужая душа – потёмки, а женская – так и подавно. Моя отходчивая, из кровавой Мэри в лапочку Мишель и за полчаса обернуться может. А вот Нинет… Не знаю. Но сегодня тебе там ловить нечего. Научный факт! – Он помолчал, затем добавил: – Да не убивайся ты так. Ещё помиритесь!

Я кивнул и взял рюмку.

– Твоё здоровье.

Мы чокнулись и выпили, точнее – слегка пригубили. Пусть и хотелось забыться, напиваться я не собирался. Ни к чему хорошему это привести не могло. Плавали, знаем.

Посидели так ещё немного, а когда буфетчик в очередной раз отлучился на стук, в бар вошли Николай и Тамара. Русоволосая студентка сразу отправилась в дамскую комнату, а паренёк с чуть искривлённым после пропущенного в августе удара носом присоединился к нам.

– Ну ты, Петя, и устроил переполох в благородном семействе! – усмехнулся он, пожимая мне руку. – Нинка в слезах, девчонки вокруг неё хоровод водят, утешают.

Я досадливо поморщился и указал на буфет.

– Бери рюмку.

– Не! – отказался студент и усмехнулся. – У меня на ночь другие планы.

Карл легонько стукнул своей рюмкой мою, глотнул коньяка и спросил:

– Коль, что там говорят-то вообще?

Николай вновь усмехнулся.

– Да просто не повезло тебе, Петь. Явно не твой день.

– Это как? – удивился я.

– Ингу Снегирь знаешь?

– Ингу? Знаю. Она тут при чём?

Студент потёр озябшими ладонями друг об дружку, с сомнением поглядел на початую бутылку коньяка, но за рюмкой не пошёл, вместо этого пояснил:

– Ингу сегодня какой-то вояка искал. Заявился в клуб при полном параде, ну его и завернули на входе. Он скандал устроил, говорит: «у вас даже комендантские среди завсегдатаев». Так слово за слово твоя фамилия и всплыла.

– Сука, – коротко выдохнул я и выпил.

Сука и есть. Аркаша – гад. Это ж надо было так подгадить!

Специально бы постарался – не смог! Или он специально? Ах ты ж…

– Только Петя не из комендатуры, – поправил Карл приятеля. – Петя у нас танкист.

– Серьёзно? – удивился Николай.

– Мотоциклист, – сказал я, вновь наполняя рюмку. – Кого прикажут, того и вожу.

– Точно! Ты же летом на мотоцикле приезжал! Нинка потом ещё от восторга пищала, когда ты её прокатил.

Я тяжело вздохнул, и Карл поспешил перевести разговор на другую тему:

– А Жан где?

– В «СверхДжоуле» остался, подкаблучник, – сообщил нам Николай, заметил вернувшуюся в зал Тамару и поспешил к девушке.

Карл с усмешкой посмотрел ему вслед и пихнул меня в бок.

– Погляди на наш переходящий приз.

– Это ты о чём? – не понял я.

– Не о чём, а о ком. О Тамаре. Водится за ней привычка парней у подруг отбивать. А потом глазами хлопает и невинность изображает: «Ой, я просто его проверить хотела». И знаешь, что самое интересно? Все думают, что она на передок слаба, а я никого не знаю, кто бы её в койку завалил. Только дразнит. Имей в виду – с тобой точно заигрывать станет.

Тамара дурнушкой отнюдь не была, привлекала внимание высоким ростом и округлыми формами без малейшего намёка на полноту, но сегодня мне было не до неё и без такого рода предупреждений. В любом случае эту новогоднюю ночь я всерьёз вознамерился провести в компании бутылки коньяка и самой что ни на есть чёрной меланхолии.

Постепенно бар заполнился студентами, и Карл отошёл переговорить со знакомыми, а я так и остался сидеть у окна. Время от времени прикладывался к рюмке, но не столько пил, сколько смачивал губы и вдыхал резковатый коньячный аромат. С выпивкой решил повременить до горячего, а поскольку сэндвичи мы умяли до последней крошки, взял тарелку и подошёл к стойке.

Там в ожидании коктейлей болтали две старшекурсницы, взгляд сам собой скользнул по их стройным ножкам в шёлковых чулках.

– Слышала, Ульяна с пиковых нагрузок залетела? – спросила вдруг рыженькая студентка у подружки.

– Да ты что? – ахнула та. – Наша восходящая звёздочка и так окарала? Она совсем ку-ку, что ли? Или по любви?

– В том-то и дело, что нет! Помнишь, на пароходике сезон закрывали? Её с шампанского развезло, проснулась в одной из кают с задранной юбкой. Понадеялась, что обойдётся, да не тут-то было!

– То есть даже не помнит, с кем переспала?

Тут барышням выдали два бокала с ядовито-зелёным содержимым и соломенными трубочками, они отошли, и окончание истории я не расслышал, но вольность нравов в студенческой среде отметить не преминул. А вот Нина не такая.

«Знаешь, Петя, я почти готова тебе отдаться!»

При воспоминании о той поездке аж передёрнуло всего. Дурак! Какой же я дурак!

– Ещё коньяка? – с понимающей улыбкой поинтересовался буфетчик.

– А есть что-нибудь существенней бутербродов? – справился я. – Или только горячего ждать? И стакан воды с газом, если можно.

Газировку я выдул одним махом, расплатился и с тарелкой мясной нарезки вернулся к окну. Выпил, закусил и оглядел суетившихся студентов будто бы даже свысока.

У человека горе, а они… Захотелось, чтобы кто-нибудь рассказал Нине, как я страдал из-за неё всю новогоднюю ночь, но Тамара могла лишь насочинять небылиц, а остальным не было до меня ровным счётом никакого дела. Глупо страдать вот так – напоказ, но я же не напоказ, мне и в самом деле тошно…

Тогда ушёл в туалет и умылся, а после долго стоял и смотрел в зеркало над раковиной.

Ну что с тобой не так, а?

Ни инициацию нормально пройти, ни с девушкой сойтись не можешь. Всех достоинств – не убили пока ещё.

Я обдумал эту мысль и кивнул. Не убили – это плюс. Это хорошо.

А ещё понял, что вовсе не трезв как стёклышко, а уже изрядно пьян, ибо в трезвом состоянии об августовских событиях старался не вспоминать. И окончательно убедился в собственном не вполне адекватном состоянии, когда столкнулся в зале с Ингой и не ограничился обычным приветствием, а ещё и сказал:

– Тебя Аркаша искал.

Сопровождавший мою бывшую одноклассницу молодой человек лет двадцати пяти – высокий, плечистый и светловолосый, снял берет с коротко – едва ли не по-уставному подстриженных светлых волос и с интересом поглядел на меня, а вот Инга лишь плечом повела.

– Я ему всё уже написала! – заявила она.

– Лучше бы при личной встрече сказала.

Инга уставилась на меня во все глаза.

– Наши отношения, Петя, тебя совершено не касаются!

– Не касаются, – признал я, – но коснулись.

Ничего больше говорить не стал, всё же не настолько был пьян, и вернулся к столу. На дальнем конце стойки-подоконника расположились Николай и Тамара, а вот Карла видно не было. Я налил и выпил.

Задумался об Инге и Нине. По первой я сходил с ума два года, со второй и встречался-то всего от силы раз пять. Ингу выкинул из головы в один момент, так чего же сейчас всего ломает? Быть может, просто первый раз отвергнутым оказался? Может, и нет никакой любви, одно только уязвлённое самолюбие? Обида? Злость?

Но нет – на Нину я не злился. Злился на себя, злился на Аркашу. На Нину – нет. Было только очень-очень стыдно. Будто подвёл девчонку. Или действительно

подвёл?

О-хо-хо…

Подошёл Карл, толкнул в плечо Николая.

– Вениамин Мельник пришёл!

– Видел, ага, – отмахнулся Коля, которого куда больше занимала спутница, а не какой-то там Мельник.

Тогда Карл взгромоздился на стул по соседству и пихнул в бок уже меня.

– Гляди, Пьер, – указал он на спутника Инги. – Это аспирант с нашей кафедры. Он полгода добровольцем на гражданской войне в Домании на стороне республиканцев в интербригаде сражался. Недавно только вернулся. Представляешь?

Полгода? Сказать по правде, полгода назад заявление об отъезде на войну произвело бы на меня несравненно больший эффект, а сейчас подивился скорее тому, как аспирант сразу после возвращения умудрился свести столь близкое знакомство с Ингой. Или же дело обстояло с точностью до наоборот и это она проявила инициативу в общении с местной знаменитостью? Как знать…

– Круто.

– С ним ещё Тарас Пникота и Касатон Стройнович ездили, но их не вижу пока, – поведал мне Карл и указал на бутылку. – Ну, наливай!

Под мясную нарезку мы выпили ещё по рюмке, а потом начали накрывать на столы и разносить горячее. Хозяин заведения предпочёл накормить студентов заблаговременно, дабы публику не развезло раньше времени после употребления горячительных напитков натощак.

– Да не переживай ты так, Пьер! – придвинулся ко мне чуток захмелевший Карл. – Всё образуется. А хочешь, с девчонками с нашей кафедры познакомлю? Клин клином вышибается! Научный факт!

Я покачал головой.

– Ты не понимаешь, Карл! Как всякому тонко чувствующему человеку сегодня мне полагается испытывать нестерпимые моральные терзания! Да и как потом с Ниной мириться, скажи?

– Молодец! Позитивный настрой – это правильно!

Где он углядел таковой настрой, было решительно непонятно, но ничего на этот счёт говорить не стал, поковырялся вилкой в тарелке и взял себя в руки, доел всю поджарку. Аппетита не было, но не оставлять же?

Завели граммофон, заиграло танго «Магнолия», и молодые люди начали приглашать барышень, а мне на колени вдруг уселась Тамара. Студентка почти не уступала ростом, да ещё закинула руки на плечи, так что её декольте замаячило прямо перед лицом, а посмотреть там было на что.

– Потанцуем, Петя? – предложила Тамара и шепнула на ухо: – Или займёмся чем-нибудь более приятным?

В другой раз от смущения бы сквозь землю провалился, а сейчас ухватил девушку за талию и ссадил её с колен на соседний стул.

– Ах, Тамара! Моё сердце разбито! Сегодня мне не до танцев.

Студентка фыркнула, вскочила и протянула руку Николаю. Тот кинул на меня взгляд, как показалось, преисполненный искренней благодарности, и повёл барышню танцевать. А я подумал-подумал, да и перебрался обратно к стойке у окна. Там развернулся на стуле и принялся следить за студентами, пытаясь подметить различия с публикой, собиравшейся в «СверхДжоуле».

Особо в этом не преуспел, разве что костюмы и наряды чуть менее дорогими и модными показались, да ещё – никаких значков с номерами витков и румбов, вообще ничего, кроме символики РИИФС. Даже Карл свой с циферками «7/17» носить перестал.

Что разумно. Иначе все и вся будут знать твой потолок, а это нехорошо, пусть даже ты прошёл инициацию на золотом румбе.

Я похвалил сам себя за рассудительность и выпил, затем предложил промочить горло подошедшему Карлу, и тот не отказался, но сразу потянул меня за собой.

– Идём покурим!

– Я не курю! И ты ведь тоже, нет?

– Значит, просто освежимся.

Загорелся идеей подышать свежим воздухом Карл точно неспроста, и я отпираться не стал, плеснул в рюмку коньяка и отправился вслед за ним.

Воздух и в самом деле оказался… свежим – аж до нутра морозцем пробрало. Ещё и ветерок по двору позёмку крутил и фонарь над головой раскачивал. Тень-свет, тень-свет, тень-свет. Дымивших на лестничной площадке курильщиков так сразу и не разглядел, понял только, что это не студенты. Старше и крепче. Взрослей.

– Иван, Тарас, Касатон, – представил их Карл, после указал на меня: – Это Пётр, он в корпусе мотоциклистом служит.

Ага! Аспиранты-добровольцы с непривычными слуху фамилиями! Тарас и Касатон – это Пникота и Стройнович. Первый – кряжистый и русоволосый; второй – ростом с меня и чернявый, с узкой полоской усов над верхней губой.

Третий? Третий – непонятный. Он и не Мельник, того – Вениамином кличут, я точно запомнил, и стоит чуть дальше, свет от фонаря самое большее до середины груди поднимается, только и видно, как уголёк папиросы посверкивает.

– Мотоциклист? – переспросил Касатон Стройнович. – Здесь, в городе служишь?

– Перевели с Кордона, – подтвердил я.

– Ого! – присвистнул Тарас Пникота. – И как там служба? Постреливают?

После того прискорбного случая с Валей я зарёкся трепать языком и постарался создать в голове чулан для хранения воспоминаний, которыми не стоило делиться ни с кем, в каком бы состоянии ни находился; трезвый или пьяный – неважно. И поскольку о работе распространяться определённо не стоило, сейчас даже мысли не возникло развлечь аспирантов историями из своего недавнего прошлого.

Я приложился к рюмке, затем нарочито медленно повёл рукой с ней влево-вправо.

– Туда-сюда, – сказал я. – Туда-сюда. Вот так я и катался до Эпицентра и обратно. Иногда до Новинска, но это реже.

– Просто по трассе? – озадаченно уточнил Касатон. – А разведка местности, облавы, задержания?

Тут даже придумывать ничего не пришлось, воспользовался стародавним советом Фомы.

– Я – стажёр. У меня всей службы пара часов в день было, а в остальное время – обучение и тренировки.

– А-а-а! – разочарованно протянул Тарас. – Понятно.

А вот Иван пыхнул из темноты дымом и поинтересовался:

– А как вообще там обстановка? Слышал, недавно мотоцикл на мине подорвался.

О том случае нам настоятельно рекомендовали не распространяться, и я не стал ни подтверждать факт взрыва, ни опровергать его. Но и отмалчиваться не хотелось, очень уж кислыми стали физиономии аспирантов. Не иначе, Карл успел чего-то обо мне наплести.

– Ситуация стабильная, – заявил я, поёжился и отпил коньяка. – Хотя, если старослужащих послушать, они браконьеров, чёрных старателей и нарушителей каждый день десятками задерживают. В Новинске столько народу нет, сколько они диверсантов обезвредили. Мы за всё время пару беспризорников с

грузовиков сняли да раз под обстрел попали.

– Ого! – удивился Карл. – Это кто вас так?

– Понятия не имею, – сказал я ради разнообразия чистую правду. – Из кустов пальнули дробью и отошли. Может, браконьеры. Не знаю. А! Ещё раз мы от медведя драпали!

И вот изрядно приукрашенная история об аномалии и обитавшей там зверюге определённое впечатление на аспирантов произвела. Они поделились байками о своей поездке в Доманию, и в итоге после возвращения в бар мы с Карлом перебрались за их стол. Я прихватил с собой остатки коньяка, да у них и своя выпивка была, а ещё в полночь под сигналы точного времени мне всучили бокал игристого вина, и опьянение накатило как-то вдруг.

О чём толком говорили дальше – не помню, всё общение – урывками. Но в чём уверен на все сто, так это в том, что лишнего я не сболтнул, даже когда Вениамин Мельник завёл разговор о поездке на гражданскую войну.

– Мятежникам в открытую помогают танилийские фашисты и неофициально, но очень активно – национал-социалисты Оксона, – заявил он. – Они не только получают опыт и обкатывают технику, но и разрабатывают новые средства поражения бронетехники и операторов. Вот! – Аспирант выставил перед собой странный патрон с пулей обычного винтовочного калибра и длинной толстой гильзой, показавшейся непропорционально большой. – Это патрон семь – девяносто два на девяносто четыре. Удельная энергия – двадцать килоджоулей на квадратный сантиметр, что больше, чем у любых наших противотанковых ружей!

Все заохали, а я заметил:

– Чем гасить кинетическую энергию, проще такую пулю взорвать.

Мельник глянул на меня с усмешкой.

– Ты когда-нибудь видел, чтобы пули взрывали?

Я – видел, но вовремя прикусил язык и приложился к рюмке с коньяком. Хотел даже снова перебраться из-за стола к окну, да сначала Карл в разговор втянул, а потом и другие темы для обсуждения появились, так до утра и протрепались о политике, оружии и бог весть о чём ещё.

Ну, и к рюмке с коньяком прикладывался, не без этого, и был определённо нетрезв, поэтому когда под утро Вениамин Мельник взял гитару и начал петь романсы, перемежая их куда более быстрыми песнями на непонятном языке, мне его исполнение даже понравилось.

Ну а затем Карл потянул на выход со словами:

– Шесть утра, Петя! Сейчас наши из «СверхДжоуля» расходиться начнут.

Сколько выпил за ночь – не знаю, только при этих словах в голове разом прояснилось, а внутри всё так и заныло в ожидании неприятного разговора с Ниной. Но слабину не дал, поднялся со стула, помахал всем на прощание, потопал вслед за товарищем.

Вышел на улицу и едва по лесенке вниз не скатился – после тёплого прокуренного бара морозный воздух ударил в нос ничуть не слабей прямого в голову. Ноздри защипало, на глазах выступили слёзы. Я откашлялся, нацепил кепку и поспешил за товарищем.

Мы вышли на бульвар и двинулись к студенческому клубу. Карл шагал уверенно и ровно, а вот моя походка твёрдостью не отличалась. Пусть из стороны в сторону и не шатало, да и ноги не заплетались, но для удержания себя в вертикальном положении приходилось прилагать постоянные усилия. И чем дальше – тем больше.

Ёлки! Да мне просто не хотелось идти в клуб!

Поймал себя на этой мысли и, устыдившись собственного малодушия, решительно двинулся дальше, нагнал Карла и постарался больше от него не отставать.

Приоритеты! Есть в моих приоритетах Нина? Есть! Ну и чего раскис тогда? Иди и помирись! Подумаешь, о службе в корпусе не сказал! Тоже мне, проблема! Было бы из-за чего обижаться! Раздули из мухи слона!

Карл скрылся в клубе, ну а я опускаться на скамейку не стал, предпочёл походить туда-сюда. И не так холодно, и нервную дрожь худо-бедно унял.

Ну а потом из «СверхДжоуля» вывалилась компания барышень в сопровождении нескольких знакомых студентов, Карл и Маша, а ещё – Нина. Думал, придётся бежать за девчонкой и просить выслушать, но та столь решительно двинулась навстречу, что как-то даже не по себе от такой целеустремлённости сделалось.

– Петя! – обратилась ко мне Нина, глаза которой показались покрасневшими и припухшими от слёз. – Между нами всё кончено. Больше я с тобой общаться не намерена.

– Да ты чего?! – обомлел я. – Это из-за моей службы в корпусе?

– Нет, – строго ответила девушка. – Это из-за того, что я узнала об этом не от тебя. Да, ты не соврал, но и не сказал правды. О чём ещё ты умолчал? Как я могу тебе теперь доверять? Не могу. А какое может быть общение без доверия?

– Да перестань!

Я потянулся к Нине, и это стало ошибкой. Та отпрянула, потребовала:

– Не прикасайся! – и поспешила прочь.

Карл двинулся было ко мне, но его удержала Маша, и я махнул рукой.

– Иди!

Сам добрёл до лавочки, плюхнулся на неё и спрятал лицо в ладонях.

Ну и что теперь делать? Бежать и умолять? Становиться на колени и признаваться в любви? Клясться больше ни о чём не умалчивать?

А это реально вообще? Люблю я её? Буду абсолютно откровенен всегда и во всём?

Насчёт первого момента, скорее, склонялся к положительному ответу – очень уж тошно было, а насчёт второго – чёрта с два стану без утайки обо всём рассказывать. Проклятье, да я иной раз сам себя обманул бы, если б только такая возможность выдалась!

И какой тогда во всём этом смысл? Унижаться в любом случае не собираюсь, но вот, допустим, куплю завтра букет роз и вымолю прощение, всё вернётся на круги своя, только надолго ли? Как скоро меня снова поймают на вранье? И самое главное – мне-то самому приятно будет находиться с человеком, зная, что не просто недоговариваю ему о каких-то вещах, но пообещал не умалчивать ни о чём и не сдержал слова? И так изо дня в день, изо дня в день…

Не проще ли отпустить ситуацию и дать утихнуть страстям? Найду Нину, не в это воскресенье, так в следующее, тогда и поговорим.

Наверное, я вполне отдавал себе отчёт, что не найду и не поговорим, и всё это было лишь самоуспокоением, ну да и неважно. Поживём – увидим.

Под пиджак забрался холодный ветерок, я поднялся с лавочки и двинулся в сторону безымянного бара в надежде, что сумею воспроизвести условный стук и меня пустят внутрь. Пить уже не хотелось, но и возвращаться в расположение не имелось ни малейшего желания. А для всего остального было слишком рано: гуляки уже начали расходиться из ресторанов, и работавшие ночь напролёт питейные заведения готовились закрыться, а до открытия прочих оставалось никак не меньше двух-трёх часов.

У «Державы и скипетра» стояла малолитражка, не шедшая ни в какое сравнение с виденным мной здесь вчера роскошным авто, но я всё же скользнул по ней взглядом, уже привычно запомнив регистрационный номер.

– Чего пялишься, быдло? – послышалось от входа в клуб.

Остановился. Обернулся.

На крыльце курила парочка монархистов с посверкивавшими на лацканах модных пиджаков старорежимными серебряными орлами. Тот, что меня окликнул, был невысоким и не полным, скорее – просто рыхлым. Его приятель выглядел куда внушительней и спортивней, но тоже крепостью сложения не поражал. Вот так, навскидку – средний вес.

– Чего вылупился? Проваливай! – это выдал уже именно он.

Я бы и прежде не упустил повода подраться с реваншистами, сегодня же воспринял такую возможность даром небес, поманил двумя пальцами грубиянов к себе.

Молодой человек спортивной наружности мигом выкинул окурок в урну и сбежал с крыльца, рыхлый последовал за ним, но драки не случилось. Из распахнувшейся двери на улицу вышли две барышни, и стройная девица в меховой накидке со смешком сказала:

– Не горячись, Анатоль, а то он тебя арестует!

Сначала знакомыми показались странный тягучий акцент и манера проглатывать окончания слов, затем присмотрелся и припомнил саму девицу – весьма симпатичную и даже красивую, если только не брать в расчёт челюсть, делавшую лицо слишком уж вытянутым. Не совсем лошадиным, но ассоциации возникали именно такие.

Да это та самая штучка, которую как-то доставил на мотоцикле к Эпицентру!

Как же её звали…

Анатоль озадаченно оглянулся и осведомился:

– Это как?

– Он из корпуса! – пояснила девица, тут-то я и вспомнил её имя-отчество.

Юлия Сергеевна! Врач называл её именно так!

Вроде – пустяк, но я не собирался упускать шанс расплющить пару реваншистских носов, и хоть ясность мысли оставляла желать лучшего – или же именно по этой причине? – легко нашёл, как обернуть новое знание в свою пользу.

– Юлия Сергеевна! – расплылся я в широченной улыбке. – Неужели те пятнадцать минут, что вы стискивали меня в своих объятиях, так запали в память?

Думал, дёрнется Анатоль, и приготовился уклониться, но спортсмена опередил рыхлый молодой человек.

– Подлец! – выкрикнул он и ринулся на меня с кулаками до того неумело, что я даже растерялся и не ударил, а просто отступил в сторону.

Юноша проскочил мимо, поскользнулся на обледеневшей брусчатке и со всего маху врезался в автомобиль. Я повернулся проследить за ним, и напрасно – Анатоль вмиг оказался рядом и заехал мне в челюсть.

Голова мотнулась, в глазах сверкнули звёзды, и на мгновенье я выпал из реальности, но успел прийти в себя, прежде чем подогнулись ноги и уселся на мостовую.

– Врежь ему, Анатоль! – завопила девица – не Юлия Сергеевна, а её товарка, и этот возглас продрался сквозь ватную тишину обморока. Я отработанным движением уклонился от очередного замаха и отступил, разорвав дистанцию.

Вставший в стойку молодой человек покрутил кулаками и с нескрываемым превосходством сообщил, что является действующим вице-чемпионом общества по боксу в среднем весе, а после позвал:

– Подходи, ещё получишь!

Рыхлый стоял у автомобиля и накинуться на меня больше не пытался, челюсть ныла, распухла рассаженная губа, да ещё на воротник сорочки попала капелька крови, и стоило бы поскорее замыть пятно, а вместо этого я шагнул вперёд. Спортсмен счёл меня лёгкой мишенью и провёл прямой в голову – двигался он

быстро и очень технично, но не попал.

Уйти от удара позволил кинетический импульс; я не отпрыгнул даже – отбросил себя в сторону и сразу вторым выплеском сверхсилы толкнулся обратно. Левый кулак шибанул провалившемуся в слишком глубокий выпад боксёру под рёбра, тот согнулся и получил правой в ухо!

На этом стычка и закончилась; мой визави рухнул на брусчатку, как подкошенный. Да – я сжульничал, но и он врезал исподтишка. Квиты. А иначе – никак. В технике я противнику наверняка уступал, без фингалов бы точно не обошлось, а у меня и так в очередной раз губа расквашена.

– Убивают! – истошно завизжала вторая девица. – Полиция! Полиция!

А вот Юлия Сергеевна драть глотку не стала и поспешила к нокаутированному спортсмену. Моим же первым порывом было кинуться наутёк, но переборол его, отошёл к ближайшей лавочке, плюхнулся на неё и сгрёб наметённый к ножке снег, принялся счищать с воротника капельку крови.

Ну а что? Спортсмен первый в драку полез, да и без серьёзной травмы обошлось – вон, уже трепыхается.

– Тебе конец! – заявил рыхлый, который, в отличие от девиц, и не подумал помочь товарищу.

– Мне? – уточнил я с нескрываемым удивлением. – Чудак! Это вы на бойца корпуса напали!

Моё заявление заставило истеричку заткнуться, она зло бросила:

– Нет, это ты накинулся на Анатоля! Я это подтвержу! Мы все подтвердим!

– Здорово! – обрадовался я совершенно искренне. – От лжесвидетельства до потери благонадёжности – один ма-а-аленький шажок. Вот и посмотрим, насколько хороши ваши адвокаты.

– Поверят нам, а не тебе! – выдал рыхлый.

Я постучал себя пальцем по виску.

– Все доказательства тут, балбес. Никогда допросу под препаратами не подвергались? Это ничего, узнаете много нового.

– Ты… Ты… – Монархиста аж начало распирать от возмущения. – Ты опорочил Юлию Сергеевну! Ты её оклеветал! Это преступление!

Тут я не сдержался и рассмеялся.

– Вот уж нет! Я сказал правду, только правду и ничего кроме правды.

– Лжец!

Анатоль уже пришёл в себя и уселся на нижнюю ступеньку крыльца, Юлия Сергеевна отвлеклась от него и одёрнула рыхлого:

– Роман, угомонись! Я его действительно обнимала! Это же мотоциклист, который подвёз меня до Эпицентра! Неужели не помнишь?

Выскочил вахтёр с дубинкой, сбежав с крыльца, загородил членов клуба и резко бросил:

– Я вызвал полицию!

По его мнению, после этого заявления хулигану в моём лице следовало кинуться прочь, но я даже с лавочки не встал.

– Ну и отлично! Быстрее начнём, быстрее закончим. Только не полицейских вызывать надо было, а комендантский патруль. Иди звони!

Вахтёр с места не сдвинулся, но закончился разговор со стражами порядка и в самом деле очень быстро: Юлии Сергеевне не составило никакого труда убедить прибывший по вызову наряд, что случилось недоразумение и в их присутствии нет никакой нужды. Меня так и подмывало поломать ей игру, заявив об избиении, но благоразумие взяло верх, промолчал. После отбытия полицейских

свару продолжать не стал, поплёлся куда глаза глядят.

И ведь точно знаю – как бы ни было тошно мне сейчас, вечер всё только усугубит.

Вечером придётся возвращаться в расположение и бодаться с Барчуком. О-хо-хо…

Глава 3

В безымянный бар я не пошёл. Расхотелось. Покрутился по округе, отыскал колонку и умылся ледяной водой да привёл в порядок воротник сорочки. Ещё сделал пару глотков, и мигом заломило зубы. Губа? Губа опухла, но больше не кровила.

Я продрог и задумался, как быть дальше. Точнее – чем занять себя до конца дня. Возвращаться раньше времени в расположение не имелось ни малейшего желания, кафе ещё не открылись, а городская библиотека первого числа не откроется вовсе. И ещё меня начало немного потряхивать: то ли нервотрёпка сказалась, то ли похмелье нагнало.

Постоял, поёжился на холодном ветру, развернулся и решительно зашагал на перестук трамвайных колёс. Хоть и сомневался, что посетителей в клинику для душевнобольных пускают в столь ранний час, но, если даже завернут на проходной, перемахну через забор, пусть даже тот и три метра высотой.

Оператор я или кто?

Но – не пришлось. В последнем письме я упомянул, что возвращаюсь в Новинск, и по просьбе Льва, который относился к немногочисленной категории привилегированных постояльцев, находившихся тут по доброй воле, а не на принудительном лечении, меня загодя внесли в список посетителей. Что же касается неурочного времени, оно тоже проблемой не стало: бывший одноклассник оказался ранней пташкой и уже бодрствовал. Удачно получилось, что и говорить.

На этот раз в каменный мешок меня не отправили: Лев изрядно продвинулся в обуздании способностей и перебрался жить из подвала на первый этаж. Вниз, как знал из писем, он теперь спускался исключительно для тренировок.

– С Новым годом! – поприветствовал меня Лев, стоило только переступить через порог и притворить за собой дверь. – О, да ты никак подрался?

– С реваншистами сцепился, – признал я, пожимая товарищу руку. – С наступившим!

– Приятно всё же осознавать, что есть в этой жизни нечто незыблемое. Чаю будешь?

Я потёр ладонь о ладонь, поёжился и рассмеялся.

– Спрашиваешь!

На этот раз Лев чайник мне не доверил, занялся им сам. Провозился никак не меньше пяти минут, но воду всё же вскипятил.

– Надо практиковаться, – пояснил он, будто оправдываясь.

– Да кому ты это объясняешь? – отмахнулся я и взял заварочник. – Сам только тем и занимаюсь, что практикуюсь, только всё больше всякая ерунда выходит.

Первый стакан я выпил одним махом, даже пот прошиб. Тогда снял пиджак и повесил его на спинку стула. Лев смерил меня пристальным взглядом и вдруг улыбнулся.

– Ничего, что я в домашнем?

Я взглянул на его подпоясанный халат и рассмеялся.

– Да тоже не ради похода к тебе принарядился! Сразу с вечеринки завернул.

– И как Новый год встретили?

Прежде чем ответить, я налил в опустевший стакан заварку и добавил кипятка, но пить не стал, стиснул пальцами гранёные бока.

– Хорошо встретили. Но вот до того меня девушка бросила.

Я поведал товарищу о свинье, которую подложил Аркадий Пасечник, и Лев махнул рукой.

– В этом весь Аркаша!

– В смысле? – удивился я.

– Знаешь, почему я ему списывать перестал давать? – вопросом на вопрос ответил Лев. – Мне не жалко было, просто раз он у меня контрольную по истории слово в слово сдул и получил трояк, а мне четвёрку поставили. Так Аркаша с двумя тетрадями пошёл к учителю доказывать, что его оценка занижена. Мне в итоге балл скинули. Так-то вот. Аркаше любая несправедливость поперёк горла, а о последствиях он не задумывается.

Я озадаченно кивнул.

Если поначалу решил, будто Аркаша упомянул моё имя из ревности, то рассказ Льва заставил взглянуть на ситуацию с совершенно иного ракурса. Ну в самом деле – откуда бы моему бывшему однокласснику знать, что я от всех в клубе службу в корпусе в секрете держал? Откуда, а? Сам-то я об этом и словом не обмолвился. Такая вот ерунда…

– О чём задумался? – поинтересовался Лев.

– Да так. – Я отмахнулся, дотянулся до пиджака и вытянул из кармана небольшую коробочку. – Держи. С Новым годом!

– Ура! – обрадовался мой товарищ. – Всамделишный новогодний подарок! Только у меня отдарка нет. В магазины пока не хожу.

– Да ерунда. У тебя как динамика вообще?

– Динамика хорошая, – заявил Лев. – Сейчас сессия у студентов закончится, и с февраля начну институт посещать. Палинский уже все бумаги оформил.

– Здорово! – совершенно искренне порадовался я за друга. И за себя порадовался тоже – не без этого. Хотя, вполне возможно, что и рано. Пусть приглашение в вольные слушатели и обеспечено, совсем не факт, что меня отпустят из комендатуры в институт.

Впрочем, раньше времени забивать себе голову возможными проблемами не стал, приложился к стакану с чаем и шумно выдохнул. Хорошо!

Лев справился с подарочной бумагой и взвесил в руке стеклянный шарик – совсем как тот, что я приготовил в подарок Нине.

– И что это?

– Сожми и потяни сверхэнергию, – посоветовал я. – Давай!

Лев озадаченно глянул на меня, но последовал совету, и его кулак немедленно задвигался из стороны в сторону, словно шар стремился выскользнуть из пальцев. Впрочем – не будто, а именно что и стремился.

– Занятная безделушка, – улыбнулся Лев.

– Не безделушка, – поправил я товарища. – Попробуй удержать её в воздухе. Импульсом или искажением силы тяжести – неважно. Только аккуратней…

Моё предупреждение запоздало – стеклянный шар крутанулся и слетел с ладони Льва, угодил в стену, отскочил на стол и едва не сшиб стакан, со звоном ударился о чайник и скатился на пол.

– Ух ты! – охнул Лев, поднял его и восхитился: – Ни царапины!

– Плексиглас! – с гордостью объявил я. – А мотает его из-за смещения центра тяжести. Там полость не до конца заполнена веществом с повышенной чувствительностью к сверхэнергии. Мне для тренировок рекомендовали, вот я на подарки и заказал.

– Здорово!

Лев с минуту пытался заставить шар висеть строго в одной точке и весь упрел, поэтому вернулся за стол.

– Как понимаю, сегодня ты упражняться не в состоянии? – с усмешкой уточнил он, наливая себе чая.

Мне и со стула-то вставать не хотелось, поэтому кивнул.

– Ага. В пинг-понг поиграем.

Я разжал пальцы и импульсом перекинул свой шар из оргстекла на другую сторону стола, Лев не растерялся и усилием воли отправил его обратно.

Гостил в итоге до самого вечера, благо никаких процедур на праздничный день товарищу назначено не было, а его порции вполне хватило на нас двоих. Ну а потом поехал в комендатуру, успел переодеться и выйти на плац как раз к построению. Хоть и знал со слов Василя о четырёх дополнительных отделениях, всё равно немало поразился количеству курсантов. И понятное дело, вовремя из увольнения вернулись не все, выявили и нескольких с запахом перегара. Я – в порядке.

Командовал учебным взводом молодой кандидат-лейтенант, обязанности его заместителя исполнял старшина Дыба. Меня от его взгляда аж морозом продрало; сразу давнишний разговор вспомнился.

– Думаешь, не придётся возвращаться?

– Думаю, не придётся.

– Блажен, кто верует!

И вот как оно обернулось. Старшина будто наперёд всё знал.

Или и вправду знал, без всяких «будто».

Но после команды «разойтись» меня он из строя не выдернул, ушёл со взводным. А мы колонной потопали в столовую. Там я устроился за одним столом с Василем и Варей, но даже парой слов с ними не перекинулся, поскольку мест на всех не хватило и своей очереди приступить к ужину дожидались ещё десятка два курсантов.

А только унёс поднос с грязной посудой и двинулся на выход, дорогу перегородил Борис Остроух. За эти полгода он изрядно заматерел, но конституцию не обманешь – как был толстожопым, так толстожопым и остался. Меня это позабавило, даже настроение улучшилось.

– Линь, ты деньги в фонд отделения сдавать собираешься? – спросил Боря немного громче, чем если бы обращался исключительно ко мне одному.

– Не-а, – мотнул я головой. – Не собираюсь.

– Опять от коллектива откалываешься?

В голосе курсанта не прозвучало ни угрозы, ни удивления, такое впечатление – он просто отбывал номер, выставляя меня в дурном свете перед остальным отделением. Так-то плевать, но отмалчиваться не стал.

– Откалываюсь? – переспросил я. – От коллектива? Окстись, Боря! Какой ещё коллектив? Мне с тобой одним воздухом дышать противно. Будь добр – свали с дороги.

Физиономия Остроуха побагровела, и он в бешенстве стиснул кулаки, но не кинулся, опомнился, взял себя в руки.

– За языком следи! – только и бросил и тем отчасти меня несколько даже разочаровал. Думал, подставится, но нет – не к месту проявил выдержку, урод толстозадый. Стоит, ноздри раздувает, пялится.

Подвалил невысокий и жилистый паренёк, потянул Борю за руку.

– Да не связывайся ты с этим задохликом! – заявил он, и не подумав понизить голос.

– Задохлика в зеркале увидишь! – отозвался я и добавил: – Мелочь пузатая!

Теперь дёрнулся и этот. Как же его… А, Митя Жёлудь!

Но драки не случилось, разошлись. На крыльце столовой я шумно выдохнул длинную струю пара и беззвучно ругнулся. Впрочем, удивлён этим подкатом вовсе не был. Наперёд знал, что Федя не угомонится, так и вышло. Всё как по писаному: разделяй и властвуй. Сейчас он между мной и остальным отделением клин вбивает, потом прессовать начнёт. Ну – попытается. Да и взнос в фонд отделения ничего бы не решил, это всё равно что деньги на ветер выкинуть.

К слову, о ветре – пробирал тот до костей, несмотря даже на поддетую под гимнастёрку зимнюю тельняшку. Дожидаться Василя я не стал, заскочил в магазин на территории, купил заварки и печенья. В ожидании соседа начал проглядывать кодексы и прочие нормативные документы, регламентирующие деятельность комендатуры и наше взаимодействие с нарушителями и полицейским управлением, но голова была пустая-пустая, решил отложить подготовку к зачёту на завтра.

– Что ещё за фонд отделения? – спросил у Василя, когда тот заявился в комнату полчаса спустя.

Мой сосед только рукой махнул, а на его округлом лице отразилось нескрываемое отвращение.

– Барчук поборы устроил. Хочешь в увольнения ходить – гони десятку. Но это для молодых – не знаю, чего к тебе Боря полез.

Я фыркнул.

– Да чего там непонятного? – И махнул рукой. – Ладно, ерунда. Чай наливай. Я галетного печенья купил.

– О, здорово!

– А много нас стало, не ожидал, – заметил я после этого. – Цельного лейтенанта закрепили.

– Да какой Вяз лейтенант? – фыркнул Василь. – Кандидат-лейтенант он, выпускник военной кафедры. По сути, Дыба всем заправляет. Говорят, он всерьёз рассчитывал взводным стать, да после случая с Казимиром… Ну ты в курсе…

Я кивнул.

– Всё равно народу много.

– Почти все контрактники.

– В смысле?

Василь отпил чая и усмехнулся.

– Те, кто контракты с частниками в распределительном центре заключил. Но это ещё самые адекватные, некоторые отсеяться успели, некоторых сразу на лесоповал отправили.

– Серьёзно?

Мой сосед фыркнул.

– Петь, а ты как думаешь? Нужно же кому-то деревья валить там, куда обычным людям ходу нет!

И точно, «зелёный клин» – настоящая головная боль всего корпуса. Вырубить всю тайгу под корень даже не пытались, а вот просеки в окрестностях Эпицентра прокладывали и обочины дорог расчищали на постоянной основе. Просто не задумывался, кто этим занимается, хотя машины с решётками на окнах попадались на глаза регулярно.

Я задумался над словами товарища и спросил:

– А как с коммерсантами договариваются? Они же в обучение деньги вложили и стипендии выплачивали.

– Вроде из довольствия какая-то часть отчисляется. Там ещё немного набежать успело, расплатятся. – Василь допил чай и потянулся. – Ну что, пора спать ложиться? Завтра денёк будет не из лёгких, начнём зачёты сдавать.

– Ага, сейчас, только форму в порядок приведу, – сказал я, достал из чемоданчика катушку ниток с иголкой и принялся возвращать на нашивки букву «К». Ефрейторскую лычку спарывать не стал, поскольку приказа о разжаловании в рядовые до меня не доводили. В канцелярии комендатуры об этом даже речи не зашло – приняли документы, и всё.

На утреннем построении не раз и не два ловил на себе взгляды Феди Маленского, а уже перед столовой, он остановил всех, подошёл и заявил:

– Курсант Линь, что за безобразие с формой? Почему подворотничок грязный? Наряд вне очереди!

Воротничок я подшил с вечера, но спорить не стал и бесстрастно произнёс:

– Есть наряд вне очереди.

И когда Боря с гаденьким смешком заявил:

– Толчок драить будешь! – тоже не огрызнулся, предпочёл промолчать.

После завтрака основная часть отделения отправилась в училище, а старослужащие из летнего призыва двинулись в медсанчасть. Туда же подошли новоявленные заместители командиров отделений – Илья, Сергей и Макс. Девчонки тоже подтянулись; всего нас набралось человек двадцать пять.

Медосмотра как такового не было. Пока одним измеряли вес, молодой доктор – не иначе интерн – проверял рефлексы, постукивая молоточком по локтям и

коленям. У меня всё в порядке оказалось и с первым – нежданно-негаданно отъелся до семидесяти пяти килограммов, и со вторым, но помимо этого просматривали ещё и учётные книжки, и вот после ознакомления с отметкой о выправлении энергетических каналов медик выписал направление на повторное обследование.

– Зачем ещё? – удивился я, поскольку последний сеанс иглотерапии прошёл ещё в середине ноября. Следующие две недели Лизавета Наумовна ежедневно отслеживала динамику и результатами лечения осталась всецело довольна. Я – тоже.

– Необходим контрольный осмотр, – отрезал интерн. – Это не срочно, но пройти его нужно до конца месяца, иначе будут проблемы с распределением.

Оставалось лишь плечами пожать. В декабре Лизавета Наумовна вернулась в Новинск, и я не имел ничего против, чтобы увидеться с ней снова, раз уж возникла такая необходимость.

В остальном всё прошло гладко, да и остальных курсантов допустили до зачётов в полном составе. Ну а дальше нас построили, и кандидат-лейтенант Вяз объявил:

– Ваше обучение подошло к концу, осталась самая малость – продемонстрировать свои навыки аттестационной комиссии. Помимо собственно зачётов за каждое испытание станут начисляться баллы, и предупреждаю сразу: распределение по итогам курса во многом будет зависеть от набранной суммы, а лучшие выпускники получат памятные подарки!

Памятные подарки меня интересовали постольку-поскольку, да и с распределением всё было давно решено, поэтому дальнейшую болтовню о баллах я пропустил мимо ушей. От меня требовалось только одно – просто сдать зачёты. Просто сдать зачёты и всё.

Вот только между «просто» и «сдать зачёты» простиралась бездонная пропасть, и вскоре меня начало потряхивать. Ерунда вроде по сравнению с тем, что пережить довелось, а нутро так и скрутило. Терпеть экзамены не могу! И Нина ещё как назло…

Кандидат-лейтенант оставил нас на попечение старшины Дыбы, и тот пустил по рукам листок с перечнем зачётных дисциплин. Я заглянул через плечо Василю и досадливо поморщился, поскольку надеялся отстреляться за неделю, а расписание охватывало почти весь январь. В остальном же – без неожиданностей.

Физподготовка, кросс и стрельба, фокусировка сверхсилы, управление кинетической и тепловой энергией, силой тяжести и давлением. Помимо этого, от курсантов требовалось продемонстрировать технику заземления, а также сотворение и нейтрализацию искровых разрядов. Ещё было три испытания на вылет: рукопашный бой, блокировка сверхспособностей и, что на редкость озадачило, – свободный поединок. При этом максимальное количество баллов можно было заработать именно на нём. Занятно.

Дыба забрал листок и повёл нас в училище. Вот там-то меня и накрыло. Нет, в ходе развития своего ущербного во многом эрзаца ясновиденья я приноровился абстрагироваться от присутствия других операторов, просто впервые оказался в непосредственной близости от нескольких сотен неофитов, которые ещё толком не умели контролировать способности и потому создавали просто ужасающее количество помех. А у меня – потенциал в противофазе! У меня – сейчас голова взорвётся!

Не взорвалась, конечно же. Кое-как совладал с взбрыкнувшим даром, разогнал энергию равномерно по организму, заставил себя отгородиться от внешнего воздействия. Осуществить это на ходу не стал даже пытаться, сел помедитировать в уголке, а потом поспешил за остальными и снова присел из-за накатившего вдруг головокружения. Тогда запустил алхимическую печь – благо наловчился запускать этот процесс при частичной наполненности – и сжёг весь свой неправильный потенциал, чтобы набрать его заново, но уже за счёт обычной сверхсилы, а не в противофазе.

Когда оклемался, то обратил внимание на пришпиленный к доске объявлений лист, содержимое которого заставило озадаченно почесать затылок.

«Работа в столице для операторов 4, 8 и 9-го витков любого года обучения!»

Ниже и чуть мельче шли необходимые пояснения:

«Государственная служба. Официальный перевод или выкуп контракта. Карьерный рост.»

Искали вахтёров с перспективами повышения до начальника смены и окладом от трёхсот рублей. Триста рублей обычному вахтёру, подумать только! Я тут в боевых условиях за двое меньшие деньги вкалываю! Ну и где в жизни справедливость, спрашивается?

Впрочем, у меня были перспективы, а ещё талоны на питание, казённое жильё и обмундирование, что тоже немаловажно. Так что – плевать!

Я соскочил с подоконника и поспешил в подвал, куда уже утопали остальные. Мог бы и не торопиться, в общем-то: к силовым установкам на проверку сверхспособностей вызывали по три человека, а сама проверка занимала не пять минут и не десять, а тянулась целый час. Остальным – ждать.

Дабы курсанты не теряли время попусту, нам вскоре выдали бумагу, письменные принадлежности и билеты теоретической части. Не могу сказать, будто совсем уж не готовился, но и вот так сходу на перечисленные в карточке с заданием вопросы ответить не смог. Посидел, успокоился, собрался с мыслями и только после этого макнул стальное перо ручки в чернильницу. Так-то ничего сложного, просто нужно всё покороче формулировать: чем больше слов – тем выше шанс, что экзаменатор к неудачной формулировке прицепится.

В состав комиссии, помимо Савелия Никитича, вошёл заведующий учебной частью и представитель кафедры кадровых ресурсов РИИФС, но не Альберт Павлович, а какой-то совсем молодой человек, чуть ли даже не аспирант. Невесть с чего он показался знакомым, но, сколько ни ломал голову, где встречались с ним прежде, вспомнить так и не сумел. Росту выше среднего, подтянутый и с неброской наружностью – таких в Новинске пруд пруди. Нет, не помню. Да оно и неважно. На вопросы отвечать надо, а не по сторонам глазеть.

Я сосредоточился и перестал обращать внимание на размеренное завывание генераторов и нервное подмаргивание электрических ламп под потолком, отвлёкся лишь раз, когда первым вернувшийся к партам Боря Остроух, весь мокрый от пота, с радостью объявил:

– Десятый разряд!

Федя Маленский поднялся и пожал приятелю руку, остальных новость безучастными тоже не оставила, меня – в том числе. Сдача на разряды – это серьёзно. Неудивительно, что представитель института за прохождением испытаний заявился наблюдать.

Оба незнакомых курсанта из первой тройки до парт едва доползли и результатами прохождения испытаний хвастаться не стали, а вот вызванным следом Максиму Бондарю и Мише Поповичу присвоили восьмой и девятый разряды соответственно.

Порадоваться бы за них, а я расстроился, как последний дурак. Мне-то и на пике витка десятую категорию получить за счастье, а уж сейчас и вовсе. Увы и ах…

Но погоревал и выкинул эти противные мыслишки из головы. Успел исписать лист, когда Савелий Никитич объявил:

– Курсант Линь!

Я подошёл, предъявил удостоверение и учётную книжку, принялся закатывать рукава гимнастёрки.

– Слушай и запоминай, второй раз объяснять не стану, – предупредил инструктор. – Сначала выжимаешь максимальную мощность, потом пашешь час в свободном режиме. По команде входишь в резонанс, но не копишь энергию в себе, а всю без остатка сливаешь в установку. Это важно! Счётчик остановим, как только начнётся падение мощности. Понял?

– Так точно, – привычно ответил я и взялся за ручки. – Разрешите приступить?

– Минуту! – встрепенулся представитель института. – Потенциал обнули.

Я едва не покраснел от смущения – до того с наполненностью сверхсилой свыкся, что совсем об удерживаемой энергии позабыл. Балда!

– В установку? – уточнил я.

– Ну а куда ещё? – проворчал Савелий Никитич. – Заодно посмотрим, сколько ты там держишь. – И пожаловался завучу: – Хуже нет, чем с самоучкой работать.

Эту реплику я пропустил мимо ушей, усилием воли запитал установку и разом слил весь потенциал. Все, как оказалось, триста семьдесят восемь килоджоулей сверхсилы.

– Весьма достойный результат для девятого витка, – отметил представитель института, делая какую-то отметку на экзаменационном бланке. – Постоянно удерживаешь?

– Стараюсь, – кивнул я.

Савелий Никитич проворчал нечто невразумительно-одобрительное и дал отмашку.

– Валяй!

С места в карьер выдавать максимальную пиковую мощность я не стал, но и слишком много времени на подготовку не потратил, поскольку это упражнение проделывал едва ли не ежедневно. Секунд десять разгонялся, с минуту генерировал электричество изо всех сил, а после начал понемногу сбавлять обороты, и представитель института сказал:

– Сорок три целых два десятых киловатта.

Завуч тоже сверился с показаниями установки и приободрил меня:

– Почти на пик румба вышел, молодец!

Меня же от этого замечания едва не перекорёжило. Пик румба – сорок четыре и четыре десятых киловатта; ещё немного, ещё чуть-чуть и упрусь в него. А

дальше – всё, дальше – не продвинуться. Там только длительность резонанса увеличивать, что тоже немаловажно, но всё же совсем не то. Ну и как тут эталонному шестому витку не позавидовать?

Но завидовать было некогда, я работал. На деле ничего сложного, всё равно что на мотоцикле с электродвижком с Кордона к Эпицентру и обратно смотаться. Проделывал я такое, бывало, по несколько раз на дню и к концу часа взопрел, конечно, но не особо. Пот с меня градом, если уж на то пошло, как с Бореньки, не катил.

– Время! – объявил Савелий Никитич. – Итоговая выработка: девяносто один мегаджоуль.

Я с шумом перевёл дух, не слишком-то довольный собой. Рассчитывал на исходе часа поднажать, а на деле пришлось даже скидывать мощность. Мог бы через силу продолжать работать, но тогда проблем с резонансом точно бы не избежать.

Инструктор разрешил приступать к заключительному этапу упражнения, я с сомнением огляделся по сторонам и покрепче стиснул ручки силовой установки, но сразу заставил себя успокоиться. Пусть и стану оперировать энергией в противофазе, копить её не придётся, буду по мере поступления в электричество пережигать.

Три! Два! Один! Поехали!

Я глянул на одну из ламп, потом зажмурился и мотнул головой. Жёлтое пятно закрутилось внутри головы, превратилось в яркий обруч, затем распалось на тринадцать ослепительных клякс. А следом обжигающим потоком полилась энергия. С каждым ударом сердца её поток усиливался и набирал мощность, оставалось лишь перенаправлять его в установку. Та как-то непривычно сильно гудела и подрагивала, но в остальном обошлось без странностей. Ручки, разве что, заледенели – чуть пальцы не примёрзли…

А потом наваждение отпустило, и Савелий Никитич щёлкнул кнопкой спортивного секундомера.

– Длительность – тридцать две секунды, – сказал он и сверился со счётчиком прибора. – Выход резонанса – три тысячи четыреста сорок килоджоулей.

Представитель института внёс эти данные в экзаменационный лист, после сверился с какой-то таблицей.

– До десятого разряда не дотянул, но всё равно неплохо.

Ну вот, говорил же: для меня десятый разряд за счастье. Не могу сказать, будто совсем уж безучастным этот вердикт оставил, но и лишний раз по этому поводу расстраиваться не стал. Плевать! Мои амбиции куда дальше простираются, чтобы из-за таких пустяков переживать.

– Свободен, – отпустил меня Савелий Никитич.

Я вернулся к партам, уселся за своё место и обнаружил, что посреди листа с ответами на теоретическую часть зачёта красуется громадная клякса. Вертеть головой по сторонам, пытаясь выявить нагадившего паршивца не посчитал нужным и на смешочки за спиной тоже не обернулся. Просто взял чистый лист и начал отвечать заново, а когда разобрался с заданием, по памяти восстановив уже написанное прежде, набросал ещё один… так скажем, документ.

Миша Попович первым сдал ответы и отпросился в библиотеку, последовал его примеру и я. Федя Маленский от возмущения чуть со стула не сверзился, но оспаривать разрешение Савелия Никитича не решился. Я подмигнул Барчуку и поднялся из подвала, а дальше заглянул в буфет, где рассчитывал отыскать оставившего нас почти сразу после начала зачёта командира отделения. Рассчитывал – и нашёл.

Когда подошёл к столу, за которым расположился старшина Дыба, тот поднял взгляд и хмуро бросил:

– Ну?

Меня так и подмывало без разрешения усесться напротив, но перегибать палку не решился, молча выложил прихваченный с собой листок.

– И что это? – поинтересовался старшина.

– Докладная.

Дыба хмыкнул и взял лист, начал читать, вслух проговаривая отдельные моменты.

– Личные неприязненные отношения… Беспричинные придирки… Нарушение устава… Создание атмосферы нетерпимости… Дата, подпись… – Командир отделения кинул докладную на стол и спросил: – Знаешь, что с этой филькиной грамотой можешь сделать?

Я кивнул.

– Догадываюсь. Поэтому следующую адресую взводному. А в той, которую после сдам в канцелярию, добавятся попустительство и поборы под видом взносов в фонд отделения. И вот уже её зарегистрируют и подошьют совершенно точно. Как и остальные. Когда рано или поздно дойдёт до рукоприкладства и кто-нибудь пострадает, картина у проверяющих сложится вполне однозначная.

Старшина выслушал меня молча и не перебил, потом недобро улыбнулся.

– И чего ты этим хочешь добиться? Привилегированного положения? Желаешь получить индульгенцию на нарушение устава?

– Добиться я хочу одного: возможности спокойно сдать зачёты. Чтобы никто не портил нервы беспричинными придирками. А в случае нарушения устава готов понести полагающееся наказание. Но только в случае нарушения, а не по прихоти Маленского. Наряды и прочие взыскания должны идти только через вас. Со своей стороны, я приложу все усилия для смягчения острых углов.

– Я поговорю с ним, – пообещал Дыба после долгой паузы.

– И отмените наряд за неподобающий внешний вид. Подворотничок был чист и подшит с вечера.

Взгляд старшины потяжелел.

– Ты сейчас серьёзно, курсант?

– Я – да. А вот Маленский так сразу может и не понять.

– Свободен.

Я не стал интересоваться принятым командиром отделения решением, отошёл к буфету, взял стакан чая и два бутерброда, расположился за столом в дальнем конце помещения. Чертовски не хотелось затевать всю эту канитель, но и терпеть придирки я больше не собирался. В корпусе всё регламентировано от и до, такие вот докладные без внимания не оставят, особенно если впоследствии приключится какой-нибудь более-менее серьёзный инцидент. Тем более что в отделении Дыбы одно смертоубийство уже случилось, запросто оргвыводы последовать могут. Удивлюсь, если не последуют.

Да и остальные курсанты за возможность скинуть Барчука с должности руками и ногами ухватятся, мигом осмелеют и начнут показания давать. И старшина должен понимать это не хуже моего. Ну да посмотрим.

В расположение вернулись только к ужину, даже обедали в столовой училища. Низший десятый разряд по итогам испытаний присвоили всем старослужащим, прошедшим инициацию на восьмом витке, да ещё неожиданно отличился Матвей Пахота, который прыгнул выше головы, но заветную запись в учётной книжке всё же заполучил. Вот его я поздравил от всего сердца. Самому мне было разве что немного досадно, ну а Василь расстроился неудаче не на шутку.

– Да брось! – попытался утешить я соседа по комнате, который, вопреки обыкновению, ел безо всякого аппетита и всё больше с мрачным видом ковырялся в тарелке вилкой. – Ерунда же! Не сдал сейчас, сдашь в следующий раз. Делов-то!

Василь тяжело вздохнул.

– Ты не понимаешь, Петя. Разряд – это серьёзно. Это переход в высшую лигу!

– Скажешь тоже!

– Ну смотри. Во-первых, это доплата к жалованию…

– И большая? – заинтересовался я.

– Раздели два на разряд и умножь на сто, получишь прибавку в процентах, – подсказал Василь.

Сидевшая с нами за одним столом Варя погладила его по руке.

– Не в деньгах счастье, – улыбнулась она. – Ведь правда же, да?

– Правда, золотце. Правда, – вздохнул Василь. – Но ещё за разряд в итоговый зачёт накидывают дополнительные баллы. А это, согласись, Петя, уже серьёзно. Ты же не хочешь все пять лет контракта улицы патрулировать?

– Не хочу, – признал я.

– Вот и я тоже.

– Карьеристы! – фыркнула Варя и принялась составлять свою грязную посуду обратно на поднос. – А давайте сегодня соберёмся чай пить как раньше! Давайте, а?

Василь двинул меня под столом ногой, и я неопределённо пожал плечами.

– Не знаю даже. Я в законах плаваю, хотел в библиотеке посидеть.

– Успеешь ещё! – махнула рукой Варя и пошла относить посуду.

Я выжидающе глянул на Василя, тот немного помялся и сказал:

– Сможешь нам до отбоя время дать? Ну, ты понимаешь…

Невольно вспомнилась Нина, и меня едва не передёрнуло, но улыбнулся через силу, пообещал:

– Не вопрос!

Василь прямо лицом просветлел, даже складка на лбу разгладилась.

– Ну, спасибо! Выручил! Только Варю заранее предупреди. Хорошо?

– Да без проблем.

Но вот так сразу выполнить обещание не вышло. На выходе из столовой остановил Федя Маленский – не только меня, всё отделение выстроил, нехороший человек. Прошёлся, зыркнул недобро, потом скривился и произнёс:

– На первый раз наряд за неподобающий внешний вид курсанту Линю заменяется предупреждением. Но больше скидок не будет. Впредь потрудись соответствовать высоким стандартам нашего учебного взвода! Ясно?

– Так точно! – спокойно сказал я.

Маленский пялился на меня ещё секунду или две, потом дал команду разойтись. И если большинство курсантов сочло изменение наряда на предупреждение очередной демонстрацией власти, то Василь в это не поверил.

– Ты как с Барчуком договорился? – полюбопытствовал он.

– Не с ним, – покачал я головой. – С Дыбой. Пообещал проблем не доставлять, если придирок не будет.

Василь поджал губы.

– Не знаю, не знаю. Барчук у Дыбы на хорошем счету. После той истории с Казимиром больше никаких ЧП в отделении не было. Не уверен, что стоило такой ультиматум выкатывать. Может аукнуться.

Я хотел заявить, будто об ультиматуме и речи не шло, но тут мой сосед по комнате угодил в яблочко – именно ультиматум это и был.

– Проехали! – махнул я рукой и улыбнулся подошедшей Варе.

– Идём чай пить? – предложила девушка.

– Не-е-е, – протянул я. – Мне в библиотеку надо. А потом в зал ещё заскочу, разомнусь. До отбоя не ждите, пейте сами.

– Да ну, перестань!

Но я проявил силу воли и на уговоры не поддался, отправился в библиотеку, поскольку и в самом деле плавал в нормативных актах, а знание инструкций по патрулированию дорог и досмотру автомобильного и гужевого транспорта помочь не могло. К тому же успел перекинуться днём парой слов с Мишей Поповичем, условились пересечься с ним после ужина.

Библиотека комендатуры была небольшой: заставленное стеллажами хранилище, закуток радиоточки да читальный зал на пять столов. Я получил на руки потрёпанный сборник правовых актов и подсел с ним к Мише, который обложился конспектами и вычерчивал на листе писчей бумаги какую-то сложную схему.

– Что припас для меня? – спросил я, устроив книгу на углу стола.

Попович протянул стопку исписанных убористым почерком листков.

– Плазменный щит от и до. Начнём на следующей неделе отрабатывать.

– А как же зачёты?

– Это дополнительно. Не входит в зачётный минимум. Не хочешь – не читай.

Но я хотел. Во-первых, знания никогда лишними не бывают. Во-вторых, за этот конспект деньги Мише я уже переслал. И не только за этот – немалая часть моих трат была связана именно с получением актуальной информации об оперировании сверхсилой. Дорого, конечно, зато в технике заземления теперь, пожалуй, не уступаю студентам РИИФС. Уже даже её активную форму освоил.

– Если будет ещё что-то интересное, про меня не забывай, – сказал я, поднимаясь.

– Всенепременно, – пообещал Миша и вернулся к своей схеме.

Отвлекать его и дальше я не стал, перебрался за другой стол, принялся бегло просматривать конспекты сослуживца и очень скоро обнаружил, что с наскоку тут не разобраться. Насчёт «от и до» Миша нисколько не преувеличил – более того, в его записях рассматривались две вариации защитной техники.

Первая могла использоваться продолжительное время, никак внешне не проявляя себя. Операторы просто ионизировали молекулы кислорода и азота, что автоматически сбивало прицел искровых разрядов и аналогичных атакующих конструкций. Осуществлялось воздействие по принципу холодной плазмы, воздух при этом не нагревался, и не возникало серьёзных магнитных возмущений. Впрочем, при желании можно было сгенерировать и магнитное поле, исключив выработку положительных ионов.

Вторая вариация предусматривала создание области ионизированного воздуха, отличающегося плотностью и температурой от окружающей среды. Теплее или холоднее, насыщенней или разряженней – в зависимости от конкретных потребностей на текущий момент. По сути, именно «плазменным щитом» ни та, ни другая комбинации сверхэнергетических воздействий с полным на то правом именоваться не могли, но лично меня неточность названия нисколько не волновала. Пусть такой экран и не служил защитой от пуль, зато неплохо гасил взрывные волны и разрушал энергетические конструкции.

Интересно? Ну ещё бы!

И всё же, прочитав конспект, я разбираться с этой техникой не стал, занялся штудированием законов. Самосовершенствование – это здорово, но для начала хорошо бы не завалить зачёты.

В библиотеке в итоге проторчал до самого отбоя – едва голова квадратной не стала. Но зато, когда вернулся в комнату, Василь крепко пожал мне руку, даже потряс её от избытка чувств.

– Спасибо! Выручил!

– Да брось! – отмахнулся я и не стал интересоваться, чем таким они тут занимались, отправился чистить зубы. Потом сразу завалился спать. Денёк завтра намечался не из лёгких: зачёт на знание законов и сдача нормативов по физподготовке – то ещё сочетание.

Утром даже позавтракать не дали, всех выпускников курсов построили в спортивной форме перед медсанчастью. Дыба прошёлся перед строем, улыбаясь чему-то своему, затем по-отечески ласково произнёс:

– Ну что, задохлики, поджилки уже трясутся? Сегодня никакие хитрости не помогут, сегодня все увидят, чего вы стоите на самом деле! А всё почему? – Он обвёл курсантов тяжёлым взглядом. – А всё потому, что боец корпуса обязан быть сильным вне зависимости от того, умеет он оперировать сверхэнергией или нет.

Вступительная речь старшины лично меня нисколько не воодушевила, а уж когда в приёмном покое медсанчасти доктор, предварительно сверившись с моей учётной книжкой, накапал в стакан с водой непонятный препарат, и вовсе стало не по себе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/pavel-kornev/negativ-tom-1

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить